

Юлия Вакилова

КОРОЛЬ МОЕГО
СЕРДЦА

Юлия Вакилова

Король моего сердца

«Издательские решения»

Вакилова Ю.

Король моего сердца / Ю. Вакилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833275-3

Оставляя позади отцовские надежды, устремляясь навстречу столь желанной любви, юная принцесса еще не знает, сколь многое ей суждено будет постигнуть на избранном пути. Понять, что не всегда зажегшаяся в сердце искра перерастает в пламя. Что можно простить предательство, совершенное врагом, но не принять руку помощи, протянутую другом. Что чаша весов между собственным счастьем и долгом очень редко склоняется в желаемую сторону. И что даже в простом наемнике можно отыскать своего короля...

ISBN 978-5-44-833275-3

© Вакилова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Седая долина	6
Глава 2. На трех холмах	16
Глава 3. Первая кровь	27
Глава 4. Наедине	39
Глава 5. Неправильная сторона любви	50
Глава 6. Тайны родственных уз	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Король моего сердца

Юлия Вакилова

© Юлия Вакилова, 2016

© Лена Павлова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3275-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Седая долина

...Кхошальская долина издревле славилась как место чрезвычайно опасное. «Кхошаль» на древнем языке означает «гиблый», что в полной мере описывает эту забытую Господом землю.

Как бы далеко не забрел случайный путник, взгляду уставшему его откроется все та же однообразная картина: одинокие кустарники, нагие, лишенные листвы и всякого рода растительности, изогнутыми силуэтами своими тянущиеся к нависшему над головой серому небу. То тут, то там из чрева земли, вспенивая мутные зеркала стоячей воды, наружу вырываются испарения. С глухим бульканьем они прорывают зеленые островки тины, растворяясь в душном, пропитанном ядовитыми парами воздухе...

(отрывок из «Записки старого Бозля. Том четвертый»)

– Остановитесь!

Еще минуту назад монотонный скрип колес навевал сон. Карета уверенно двигалась по широкой проселочной дороге, стук копыт и ржание лошадей – все звучало так привычно. За два дня почти непрерывного путешествия эти звуки успели стать неотъемлемыми спутниками их странствия, и потому резкая остановка застала врасплох членов небольшого экипажа.

Протяжно заскрипели колеса, на мгновение мир, ограниченный деревянными стенками кареты, пошатнулся, чтобы в следующий миг быть захлестнутым шумом, ворвавшимся извне. Протестующее ржание животных, громкие голоса людей – все слилось в единый неразборчивый клубок звуков.

Сидящая в карете старая женщина в последний момент успела схватиться за опору, что уберегло от падения. А вот ее спутнице повезло меньше – девушка, до того момента сонно клевавшая носом, не сумела последовать этому примеру, поэтому во время внезапного рывка ее бросило прямо на твердый край противоположного сиденья.

Приглушенно чертыхнувшись сквозь зубы – чтобы, не приве́ди Господь, этих слов не услышала старая нянька – девушка потерла ушибленную коленку и, хмурясь, прильнула к узкому окошку, надеясь обнаружить причину остановки.

Но снаружи виднелся лишь привычный неровный часток кол пыльных кустарников, да низкорослые деревья-померанцы, в это время года обильно усыпанные крохотными белыми соцветиями.

С разочарованием убедившись, что в пейзаже за окном нет ничего необычного, девушка собралась, было, отодвинуться, как в этот момент на фоне всеобщей сумятицы вдруг раздались чьи-то голоса. Очень громко и отчетливо – наверное, потому что собеседники остановились прямо около кареты, не заботясь, что у их разговора может появиться невольный слушатель.

Двое мужчин спорили между собой. Один из них был ей смутно знаком – хриплый, слегка звучащий в нос голос принадлежал главе каравана, высокому, иссушенному частыми странствованиями мужчине. С которым пару дней назад единственный сопровождающий ее мужчина – внук старой няньки, взявший на себя обязанности кучера, – и договаривался о плате за проезд. Обычно Харгин водил торговые караваны на большие расстояния, но в этот раз груза почти не было, а сам караванщик крайне спешил, что было очень кстати.

Обладателя второго голоса она не знала. Ровно звучащий низкий голос мог бы ласкать слух, если бы не холодная ярость, сквозившая в каждом слове.

– Я слышал, о чем вы говорили с Дондэмом. Нельзя сворачивать на Кхошаль, как бы он не торопил. Если, конечно, вы хотите добраться до города без приключений.

– Чепуха! – судя по голосу, собеседника не впечатлил серьезный тон говорившего. – Все эти рассказы якобы о сонливом тумане – всего лишь досужие сплетни выживших из ума старух. Дорогой через Кхошаль не пользуются лишь по той причине, что все трусливо поджимают хвосты, стоит кому-нибудь упомянуть о Седой Долине.

– Стоило бы прислушаться к рассказам стариков, – упрямо возразил ему невидимый мужчина. – Нельзя так легко пренебрегать предостережениями, доставшимися от предков.

– Я не верю в эти слухи и намерен это доказать. Раз и навсегда, – в голосе караванщика прорезался металл.

– Если вам так не терпится проверить свою удачу, то хотя бы подумайте о тех, кто, доверившись репутации знаменитого Харгина, отправился с вами в путь.

– Люди недаром считают меня везунчиком, – с вызовом ответил собеседник. – И я пройду эту чертову долину, я докажу всем, что меня не испугать детскими страшилками. Кроме того, мне уже доводилось прежде бывать в тех краях, – добавил он успокаивающим тоном.

– И в пути не случилось ничего странного? – с легким оттенком недоверия переспросил второй голос.

– Как видишь, – нотки высокомерия промелькнули в усталом голосе караванщика: – Не забывай, что ты здесь – всего лишь наемник. Твое дело – охранять нас, а уж каким путем следовать, решаю я.

В этот момент дверца кареты приоткрылась, отвлекая внимание девушки от разговора. Лохматая голова Норка – того самого внука старой нянюшки – показалась в образовавшемся проеме.

– У вас все в порядке? – с небольшой толикой беспокойства осведомился он. – Пришлось так резко тормозить, я боялся, что вы можете ушибиться.

– С нами все в порядке, – за двоих ответила девушка, тут же пользуясь моментом, чтобы удовлетворить любопытство. – А что послужило причиной остановки?

– Да я ничего и не знаю почти, – пожал плечами мужчина. – Кто-то из воинов вдруг приказал остановиться. Харгину, ясное дело, это не понравилось.

Он хотел что-то еще добавить, но тут прозвучал громкий голос, призывающий всех вернуться на свои места.

Так и не договорив свою мысль, Норк исчез. Женщины успели обменяться недоуменными взглядами, прежде чем громко заржали лошади, недовольные окончанием передышки, и карета медленно тронулась в путь.

– Любопытная беседа, – задумчиво произнесла девушка, вспоминая подслушанный разговор.

Ее собеседница не услышала этих слов – большую часть их двухдневного путешествия старая женщина спала, и сейчас стоило им сдвинуться с места, как она прикрыла глаза, видимо, снова проваливаясь в дрему.

Эллери поглядела на свою нянюку с легкой долей зависти.

Она очень хотела последовать ее примеру – ведь так время их путешествия пролетело бы скорее. Но юное тело не желало тратить столько драгоценных минут на сон – жизнь кипела в каждой клеточке, неслась по венам в каждой капле крови, бурлила под кожей силой и энергией.

Девушке так хотелось покинуть душный короб кареты, пробежаться по земле, вдохнуть полными легкими дурманящий воздух, согретый теплыми солнечными лучами!

Но приходилось довольствоваться короткими остановками – глава каравана очень спешил успеть к назначенному сроку, поэтому подгонял всех нещадно, не позволяя тратить время на долгие привалы.

Однако причина, по которой девушка не имела ничего против такого стремительного темпа, была весьма безыскусна. Ее собственная конечная цель становилась ближе с каждым новым витком колес, и от одной мысли, что ждет в конце пути, перехватывало дыхание.

Майин...

Его имя привычно и легко легло на язык, и от его звучания девичье сердце сладко затрепетало.

Эллери, не сдержавшись, на миг зажмурилась, представляя долгожданную встречу, а стоило открыть глаза – натолкнулась на неожиданно ясный взгляд своей нянюшки, которой, по представлениям воспитанницы, уже полагалось сладко дремать.

– О нем задумалась? – Не было нужды уточнять, кого сейчас имела в виду старая женщина.

– Ох, Ниньи! – рассмеялась девушка. – От тебя ничего не утаить! Недаром о твоей проницательности ходят легенды.

– Да тут и скрывать нечего, – добродушно усмехнулась та. – У тебя на лице все написано, девочка моя.

– Жду не дождусь, когда снова его увижу, – с легким смущением призналась Эллери. Открыто говорить о своих чувствах, не боясь, что подслушают вездесущие слуги и тотчас же донесут отцу, было непривычно, странно, и, вместе с тем, – так здорово. – И хочу этого так сильно, и одновременно, робею и боюсь! Наверное, это и есть любовь...

Она ожидала, что старая женщина понимающе улыбнется, как бывало раньше, но та в ответ лишь задумчиво покачала головой, устремляя взгляд в окно кареты.

– Боюсь, то не любовь, а лишь влюбленность... Настоящее чувство тебе пока неизвестно, моя милая.

– Но почему ты так уверенно говоришь об этом? – упрямо возразила девушка, не ожидая, что к ее чувствам отнесутся столь небрежно. Недоверчиво поджав губы, она продолжила: – Почему ты думаешь, что знаешь это лучше меня?

– Вот настанет время – и ты все поймешь сама, – улыбнулась одними уголками губ старая нянюшка.

– Когда думаю о нем, кажется, что не смогу выдержать больше ни дня разлуки, – с жаром начала говорить девушка, чувствуя, как от торопливо зазвучавших слов образуется горячий комок в груди, как всегда бывало при мыслях о любимом. – Невозможно даже представить, что мы не сможем быть вместе, кажется, я могу перевернуть и небо, и землю ради встречи с ним. Разве это может быть чем-то иным, кроме как любовью?

– Какая ты у меня еще маленькая, – и вновь пылкий девичий порыв был встречен все понимающей улыбкой. Старая женщина перегнулась, чтобы морщинистой рукой нежно заправить огненно-рыжие пряди, своевольно выбившиеся из прически воспитанницы. – Когда ты встретишь на своем пути ту самую настоящую любовь, то все поймешь без лишних слов.

– И как же мне тогда узнать её? – поразмыслив, задала новый вопрос девушка. Все внутри протестовало от слов старой женщины, но мудрая Ниньи редко когда ошибалась.

– Любовь – это не тогда, когда сердце разрывается из-за другого человека, – медленно покачала головой собеседница. – Любовь – когда оно рвется ему навстречу. Когда счастье того, другого, вдруг становится важнее собственного. И когда можно добровольно отречься, согласиться на разлуку, на расставание, даже уйти. Уйти, понимая, что эта боль окажется меньшим злом.

– Это не любовь, – медленно протянула Эллери, и в зеленых глазах мелькнуло разочарование. – А сплошное самоистязание. Я никогда не смогу этого понять.

– Я надеюсь, девочка моя, – во взгляде старой няньки мелькнула нежность. – Что тебе никогда и не придется испытать на себе эту сторону любви.

Девушка не ответила, с головой погрузившись в размышления.

Нет, ее чувства к Майину не могли быть ничем иным, кроме как любовью! Ведь разве решилась бы она сбежать из дворца, покинуть родной и привычный дом ради чего-то другого? Осмелилась бы пойти против желания отца, уже подобравшего ей жениха и даже распорядившегося начать приготовления к свадьбе?

При взметнувшихся воспоминаниях об отце плечи девушки поникли.

Пусть они никогда не были особо близки, отец всегда был той самой надежной опорой, олицетворением постоянства и безопасности. Конечно, с детских лет она прекрасно знала, что однажды ей предстоит покинуть дом, отправиться в чужую страну, стать частью другой семьи – но никогда в голову девушки не приходила мысль, что избранный отцом жених будет старше ее саму на несколько десятков лет. В момент, когда отец торжественно объявил о своем решении и назвал заветное имя будущего супруга, в голове Эллери мелькнуло столько непристойных выражений, что ее учителя умерли бы со стыда, узнав об этом.

К чести всех тех, кто приложил столько сил к воспитанию принцессы, внешне девушка никоим образом не показала истинных чувств. И только когда кабинет отца остался позади, когда успокаивающие одним только видом стены родных покоев окружили ее, Эллери позволила гневу вырваться наружу.

Первым желанием хозяйки было выместить злость на изящных безделушках, в огромном количестве присутствовавших в комнате. Но вовремя вспомнив, что она натура тонкая и благородная, – как внушалось это со всех сторон – и что не пристало знатной девице вести себя как какой-нибудь простолюдинке, девушка вынуждена была с сожалением отвергнуть столь соблазнительную идею.

Упасть на кровать и предаться рыданиям, как то было принято среди придворных дам? Нет, этот вариант устраивал ее куда меньше первого, да и желания проливать слезы в ту минуту явно не наблюдалось.

И тогда, подмяв под себя пышные юбки и усевшись прямо на устланный коврами пол, принцесса принялась размышлять.

На удивление, думать ей пришлось недолго.

Конечно, навлекать на себя гнев отца очень не хотелось. Но и выходить замуж за великовозрастного жениха, который, ко всему прочему, славился крайне жестоким и неуступчивым характером, хотелось еще меньше. Слишком свежи в памяти были перешептывания слуг об участии последней супруги короля, которая скоростижно скончалась от неведомой болезни аккурат после того, как во всеуслышание посмела надерзить своего господину. До нее были и другие жены, судьба каждой из которых была столь же незавидна и, что греха таить, подозрительна.

Отец же, когда девушка поведала ему о своих опасениях, со смехом отмахнулся, назвав эти мысли чепухой. И по выражению его лица она поняла, что он действительно так считает.

Ну и, безусловно, краеугольным камнем всех ее возражений против брака стал Он.

Впервые встретившись на очередном приеме, девушка сперва не обратила на него особого внимания. Всего лишь один из большой свиты сопровождающих правителя соседнего государства, приехавшего с визитом. Неприметный на первый взгляд парень не произвел никакого впечатления – ровно до того момента, пока он не взял в руки роту и не запел. От звучания его высокого, мелодичного голоса по телу девушки прокатилась волна мурашек, сердце забилося в ускоренном темпе, словно в такт все нарастающей мелодии. Все присутствующие в зале умолкли, так же, как и она, очарованные моментом. Тогда же она впервые ощутила подступившую так близко ревность – ко всем тем, кто не сводил восхищенных взоров с невысокого белокурого юноши, чей голос творил чудеса.

И в тот же самый момент Эллери твердо решила, что вот он – тот, кому она готова отдать свое сердце.

Очаровать его не составило большого труда. Стоило лишь раз послать ослепительную улыбку сквозь толпу – а позже смущенно зардеться от осторожного изучающего взгляда – и в многочисленной свите поклонников принцессы стало больше на одного. Ей и прежде приносило удовольствие наблюдать за производимым на других людей впечатлением, но ни один из юношей не вызывал таких сильных чувств.

Конечно, Эллери понимала, что отец никогда не одобрит ее выбора – поэтому весь план строился на том, чтобы просто не оставить ему иного варианта, кроме как смириться. Но для этого девушке нужно было незаметно покинуть дворец и успеть соединиться с возлюбленным, прежде чем отец обнаружит ее отсутствие.

Идея была откровенно рискованная, и воплотить задуманное в жизнь без чьей-либо помощи было невозможно. Поэтому Эллери поделилась планами с единственным человеком во всем дворце, которому по-настоящему доверяла. Старая Нини была рядом с ней, сколько девушка себя помнила, и именно ей доверялись все самые страшные тайны и проступки. Неудивительно, что, выслушав признание воспитанницы, мудрая женщина не стала в ужасе охать и причитать или пытаться переубедить упрямицу. Единственным поставленным условием было непременно наличие сопровождения – в лице самой няньки и ее внука. И хотя для вида девушка некоторое время сопротивлялась, в глубине души она была только рада этой новости.

Счастливый Майин, казалось, тоже был окрылен открывшимися перед влюбленными возможностями. Покидая дворец, он успел шепнуть ей о месте и времени их следующей встречи, встречи, которая должна была изменить все. А Норк, в свою очередь, сумел отыскать человека, который обещался доставить их за пару дней до крупного пограничного города, откуда было рукой подать до места, где будет ждать ее Он...

Замечтавшись, Эллери сама не заметила, как погрузилась в легкий и светлый сон, наполненный радужными образами грядущей встречи.

На землю мягко легли сумерки, когда карета начала сбавлять ход, а вскоре и вовсе остановилась. Все еще пребывая во власти прекрасных сновидений, девушка ступила на твердую землю, потянувшись, с наслаждением разминая затекшее тело. Старая нянька последовала ее примеру, не забывая зорко следить за тем, чтобы широкий капюшон ни на мгновение не покинул рыжеволосую голову ее воспитанницы.

Путешествовать в темное время суток было опасно, поэтому даже несмотря на спешку Харгин всегда останавливался на ночь. Конечно, ночевка в карете – это вовсе не то, к чему была привычна королевская дочь, но тяготы, подстерегающие их в пути, лишь сильнее подстегивали желание девушки с честью выдержать все препятствия.

Как бы не пытался Норк смолчать, Харгин сразу же смекнул, что таинственная девушка, скрывающая лицо за капюшоном и не заговаривающая ни с кем, кроме своих слуг, – особа знатная. Потому он сразу честно предупредил, что условий для комфортного путешествия, соответствующего статусу богатой леди, создать не сможет, скорость – главное его преимущество. Но единственное, что и тогда, и сейчас волновало принцессу – время. Поэтому она легко согласилась претерпеть все неудобства в пути, лишь бы скорее достигнуть своей цели.

Девушку не покидало подспудное ощущение, словно все, что происходило сейчас, было проверкой ее чувств на прочность – и Эллери сторала от нетерпения доказать всему миру – и в первую очередь, конечно же, недоверчивой Нини, что она уже достаточно взрослая, чтобы полюбить всерьез.

Все эти мысли неторопливо текли в голове девушки, пока она пересекала небольшую полянку, на которой вовсю разворачивались нехитрые приготовления. Уже весело трещал разведенный костер, в большом котле над ним закипал ужин, люди потихоньку стягивались поближе к огню, предвкушая вечернюю трапезу.

Предусмотрительный Норк уже подготовил место – в стороне от всех остальных, чтобы никто случайно не услышал их разговора или не вздумал заговорить с принцессой.

Ниньи отошла к костру, где одна из женщин уже разливала из котла аппетитно пахнущую похлебку, от которой шел густой пар.

Устроившись на шершавом стволе дерева, заботливо приволоченном внуком няньки из леса неподалеку, девушка принялась с жадным любопытством осматриваться вокруг.

Это все казалось сном. Еще совсем недавно представить, что она будет находиться где-то посреди леса, на затерянной поляне в окружении незнакомых ей людей, было невозможно. Звук переговаривающихся листьев, несмелый ветер, отблеск пламени на лицах усталых путников, дрожащие тени, обступившие неровный ореол света... Ржание лошадей, ожидающих свой ужин, смех и громкие разговоры, тот неповторимый и ни с чем не сравнимый аромат ночного леса, листвы, пряный, свежий, забивающий ноздри, запутывающийся в волосах, пропитывающий одежду...

И люди – такие разные, непохожие друг на друга, но волею судеб собравшиеся в одном месте и в один час. Она разглядывала их, пользуясь тенью капюшона, надеясь, что плотная ткань не выдаст ее любопытствующего взора.

Обветренное лицо караванщика сейчас казалось непривычно расслабленным. Он вел неспешную беседу с сидящим рядом воином, поглядывая в сторону женщины, деловито снующей у костра с черпаком в руках. Заметив на себе его взгляд, та лукаво улыбнулась и подмигнула мужчине.

Его собеседник едва уловимо нахмурился, поймав отголосок этой улыбки, предназначенной не для него. Узкие губы дрогнули и сжались в полоску, в глазах мелькнула обида.

Эллери всегда любила наблюдать за людьми, подмечать, как они ведут себя, когда не ощущают гнет правил и строгих рамок. Во дворце редко удавалось остаться незамеченной – в ее присутствие почти все обитатели королевского двора неизменно начинали лебезить, пытались угодить или просто замыкались в себе.

Внезапно взгляд девушки зацепился за высокую фигуру, застывшую в стороне на самой границе тьмы и света. Неразличимый в темноте там стоял человек. Длинный плащ почти полностью скрывал его фигуру, однако широкий разворот плеч, заметный даже на расстоянии, мог принадлежать только мужчине. Девушка точно не видела прежде никого в их импровизированном отряде, кто был столь же высокого роста.

На мгновение сердце вдруг сжалось от непонятного страха.

Точно уловив на себе ее взгляд, мужчина вдруг поднял голову, и, девушка могла бы поклясться, взглянул прямо на нее, безошибочно отыскав среди десятка людей именно ее взгляд.

С тяжело бьющимся сердцем она резко опустила голову, одновременно кляня себя за не свойственную ей обычно робость.

– Убери волосы, – Она пропустила возвращение старой няньки, которая, сунув ей в руки горячую миску, принялась прятать пряди волос воспитанницы. Увлечшись наблюдением, Эллери даже не заметила, что несколько своенравных локонов миновали плен капюшона и теперь свободно лежали поверх плаща, точно маленькие языки пламени, сбежавшие прямоком из костра.

– Слишком приметные, – пояснила женщина, наконец, усаживаясь рядом. – Нельзя позволять людям их заметить. Кто-нибудь может вспомнить потом.

Девушка не ответила, прекрасно зная об этой особенности своих волос. Где бы она ни появлялась, взгляды присутствующих всегда сходились на огненно-рыжем каскаде локонов. В сочетании с пронзительной зеленью глаз эффект они производили впечатляющий, и не всегда в хорошем смысле этого слова. Не раз и не два девушке доводилось слышать слово «ведьма»,

брошенное украдкой в спину. Но знатное происхождение лучше всякого оружия защищало от нападков и любых попыток обвинения в колдовстве.

Миска в руках все еще слегка обжигала пальцы, но то было приятное ощущение. Конечно, эта пища не могла сравниться с изысканными блюдами, в изобилие подававшимися во дворце, но в тот момент ее вкус значил лишь одно. Свободу. И потому на свете не было еды вкуснее.

На протяжении ужина несколько раз Элери осмеливалась украдкой бросить взгляд на противоположную сторону. Пугающей фигуры в плаще больше не было, и девушка даже задалась вопросом, а не привиделось ли ей.

Закончив с трапезой, девушка вернулась в карету, предвкушая завтрашний день, который обещал стать одним из самых прекрасных дней в ее жизни.

Но с самого утра все пошло не так.

Еще только пробуждаясь от удивительно крепкого сна, девушка уже почувствовала, первые вестники необъяснимой тревоги.

Может, все дело было в поменявшемся темпе движения, в том, как чаще и сильнее подсакивали колеса на выбоинах дороги.

А, может, дело было в повисшем в воздухе запахе гари, тонком, едва уловимом, но оседавшем на языке горчащим привкусом.

– Не нравится мне это, – точно в такт ее мыслям пробормотала старая нянька, плотнее закутываясь в накидку, словно та могла защитить хозяйку от дурных опасений. – Ничего хорошего не стоит ждать от места с таким названием.

– О чем ты, Ниньи?

– Норк успел шепнуть перед отъездом, что путь наш лежит через Седую Долину, – хмурясь, произнесла женщина.

– Почему она зовется Седой? – любопытствовала девушка.

– А ты выгляни наружу, – посоветовала женщина. – Сразу сама поймешь.

Девушка послушно отдернула занавеску, и взглянула сквозь мутное стекло.

На первый взгляд показалось, что пейзаж за окном не изменился. Однако приглядевшись, можно было заметить первые вестники перемен. Поблекла зелень кустарников, они становились все мельче и изможденней, словно сама земля не позволяла им расти в полную силу. Небо за окном тоже выцвело, до самого горизонта затянувшись серыми тоскливыми тучами, хотя это можно было списать на приближающуюся грозу. Но главные изменения произошли с дорогой – она стала заметно уже, извилистей, было видно, что ею давно уже не пользовались, отчего карета то и дело подпрыгивала на кочках и ухабах, с трудом вписываясь в узкую колею.

Увиденное заставило девушку нахмуриться, но она быстро взяла себя в руки.

– Не особо там что-то и изменилось, – посылая успокаивающую улыбку собеседнице, непринужденно проговорила Элери.

Но ее нарочито бодрый голос не убедил няньку.

– То ли еще будет, девочка, – качая головой, пробормотала та, отворачиваясь.

Неосознанным жестом девушка нащупала прохладный металл медальона, с которым никогда не расставалась. Это знакомое прикосновение успокоило ее, на время развеяло смутную тень тревоги.

Однако последующее путешествие показало, что интуиции все же стоило доверять.

Началось все с очередной незапланированной остановки, когда грубоватый голос Харгина неожиданно вторгся в замкнутый мирок их экипажа.

– Леди, прошу вас покинуть карету. Видать, из-за дождей дорогу размыло сильнее, чем обычно, поэтому она стала слишком узкой. Боюсь, что с весом карета не сможет проехать. Но это ненадолго, пока не закончится опасный участок пути. После него вы сможете вернуться обратно.

Эллери вовсе не возражала пересесть на лошадей. И даже напротив – после долгого пребывания в сидячем положении тело протестовало, требуя движения. Но для старой нянюшки конное путешествие представляло нелегкое испытание.

Ощущая раскаяние, что по ее вине Ниньи приходится испытывать столько неудобств, девушка проследила, как с помощью Норка женщина грузно уселась на невысокую лошадку и двинулась вперед. И только после этого Эллери сама тронула поводья, понуждая коня начать движение. В эту минуту она, кажется, отдала бы половину своих роскошных нарядов, смиренно дожидаящихся хозяйку во дворце, за самый простой костюм для езды.

Всадники растянулись узкой полосой, осторожно следуя друг за другом. Карета под управлением Норка плелась позади всадников, а замыкали процессию несколько груженных товаром телег

Люди старались переговариваться шепотом, животные всхрапывали, нервно пряли ушами, с осторожностью ступая по неровной земле.

Где-то в стороне слабо клубился туман, отдельные его щупальца дотягивались даже сюда, отчего кустарники по обе стороны дороги словно плавали в бледной дымке. Теперь стало понятным, отчего все прежде встреченное здесь казалось выцветшим.

А там, где-то далеко, где граница земли встречалась с границей неба, начиналось безраздельное царствование тумана. Белый, густой, непроглядный и опасный – вот каким даже на расстоянии он представал перед Эллери. Девушка невольно поежилась, на миг вообразив, каково это: оказаться вдруг там, не видя ничего вокруг, ни небо, ни землю, растворяясь и теряя саму себя в плотной удушающей пелене. Страх и полное забвение – вот что приходило на ум при виде утонувшего в тумане горизонта.

И как приятно было сейчас смотреть на пусть узкую, но уверенно уходящую в противоположную сторону полосу дороги впереди!

Однако спустя некоторое время беспокойство девушки начало нарастать: все реже и скуднее становился кустарник, в отдалении начали появляться небольшие углубления, заполненные мутной водой, которые, чем дальше продвигались путники, все увеличивались и приближались.

Девушка не могла объяснить источник беспокойства, но, положив руку на сердце, признавала – сейчас она бы с радостью оказалась на прежней дороге, где единственным ярким пятном была запыленная зелень кустарников. Наверняка глава каравана уже не раз успел пожалеть о принятом решении.

Вот только жаль, что повернуть обратно ему не позволит гордость.

Подавив вздох, принцесса чуть сильнее сжала бока лошади ногами, ускоряя темп, чтобы нагнать впереди едущего всадника.

То, что было ошибкой отправиться этим путем, уже осознали все. Но упрямый Харгин продолжал двигаться вперед, не обращая внимания на устремленные ему в спину недовольные взгляды. За годы долгих странствий, не раз выпадавших на его долю, ему доводилось попадать и не в такие передрыги – так что он по-прежнему верил, что сумеет привести караван вовремя.

Однако большинство остальных путешественников едва ли разделяли надежды своего предводителя. Особенно когда на смену небольшим лужицам по обеим сторонам дороги пришли водостои, широкие, неправильной формы, мутные и непрозрачные. Периодически то из одного, то из другого с глухим звуком наружу вырывались пузыри воздуха, на несколько мгновений оставляя на поверхности округлый след.

«А правильной ли дорогой они движутся?»

Эта мысль, сколько бы девушка не пыталась отмахнуться, в очередной раз посетила ее при виде сухих остовов давно затопленных деревьев, чьи корни когда-то попали в водную ловушку и задохнулись глубоко под землей, лишённые воздуха. И теперь они в беззвучной мольбе протягивали сухие ветви-руки к небу, точно прося избавить их от долгих мучений.

– Стойте! – внезапно раздался позади чей-то громкий окрик. – Хватит! Нельзя двигаться дальше.

На то, чтобы унять неразбериху, вызванную неожиданным приказом, ушло несколько томительных минут, так как впереди едущие всадники продолжали движение, в то время как находившиеся в конце процессии уже остановились, ожидая дальнейшей команды.

Эллери ослабила поводья, расслабляя затекшие пальцы, и, пользуясь минутной заминкой, решила оглядеться вокруг, как в этот миг...

...воздух наполнился испуганным ржанием лошадей, взгляд успел заметить что-то большое и черное, метнувшееся со стороны с то ли воплем, то ли рычанием – а в следующее мгновение конь под ней резко дернулся, а затем понес в сторону, прямо противоположную той, откуда пришла угроза.

Поводья натянулись до предела, девушку сильно качнуло, бросая на шею животного, – единственное, что в этот момент успела сделать Эллери – это закричать и изо всех сил вцепиться в пышную гриву.

Конь несся напрямик, не разбирая дороги, прямо через зияющие мутные овалы воды, где перескакивая через них, а где и попадая ногой в углубления. Всякий раз, когда это происходило, сердце девушки совершало прыжок – хотя казалось, биться сильнее уже невозможно. Шума погони слышно не было – да и едва ли принцесса сумела бы что-то расслышать за отчаянным свистом ветра в ушах.

Её они увидели одновременно – и конь, и девушка, – но слишком поздно.

Мутная неровная поверхность раза в четыре больше, чем все, что прежде встречались на их пути. Это уже было не просто топкое место с застоявшейся водой, а самое настоящее Болото.

И эта трясина сейчас определенно поджидала их.

Животное, почуяв опасность, резко сбросило скорость, пытаясь затормозить на полном ходу. В самый последний момент ему так удалось это сделать.

Вот только всаднице повезло куда меньше – от резкого рывка руки девушки соскользнули, разжались, и девушка стремительно перелетела через шею животного.

Мир сузился до одной секунды в ожидании удара от соприкосновения с твердой поверхностью.

Но его не последовало. Вместо этого Эллери на полной скорости врезалась в нечто мягкое и обволакивающее, со зловещей радостью принявшее тело принцессы в свои хищные объятия.

Девушка испуганно закричала, ее голос разнесся далеко по пустынной долине, и даже если кто и услышал этот крик, нужно было очень спешить – ибо болото стремилось поскорее расправиться с нежданной гостьей.

Точно паук, в паутину которого случайно занесло маленькую мошку, оно опутывало ее, засасывало, погружало в себя все глубже и глубже.

Беспомощно пытаясь уцепиться хоть за что-нибудь, девушка барахталась, с каждым движением лишь погружаясь сильнее. Вязкая жижа обволакивала тело, отяжелевшая одежда тянула ко дну, мокрые пряди волос облепили лицо, мешая видеть.

Словно и этого было недостаточно, острая боль внезапно обожгла руку – там, в глубине темной воды, находилось что-то острое, и девушка слепо натолкнулась на него рукой.

Силы уходили, а вместо них приходило Отчаяние.

Оно захлестывало с головой тягучей черной водой, обжигало кожу, проникало в легкие через нос и горло.

В последний раз вытянув руки на поверхность в беспомощной попытке отыскать опору – которой там не было, и быть не могло – Эллери невероятно явственно осознала, что настал конец.

И в этот самый момент, когда надежда уже бесповоротно покинула девушку, за миг до того, как топь окончательно поглотила бы свою добычу, принцесса вдруг почувствовала, как кто-то извне с силой тянет ее наверх. Прикосновение чьей-то твердой горячей ладони показалось самым желанным, самым невероятным ощущением из всех, что она когда-либо испытывала.

Болото крайне неохотно расставалось со своей добычей, до последнего пытаясь удержать девушку. Но его соперник в итоге все-таки оказался сильнее.

Оказавшись, наконец, на свободе, девушка без сил упала на землю, заходясь хриплым надрывистым кашлем.

Сердце продолжало колотиться как бешеное, тело отказывалось подчиняться, словно до сих пор пребывая в вязкой ловушке. Платье, плащ – вся одежда была насквозь промокшей, пропитанной липкой зловонной жижей, девушка ощущала почти непреодолимое желание сорвать с себя все, словно не осталось ни единого островка чистой кожи. Дрожащей рукой убрав мокрые волосы с лица, она коснулась единственно оставшейся сухой макушки, и от осознания, насколько немного оставалось до полного погружения, тело снова начала бить дрожь.

Ее спаситель хранил молчание, позволяя Эллери прийти в себя. Он не приближался и не произносил ни слова, но она все время ощущала его тяжелый взгляд.

Наконец, отдышавшись и собравшись с силами, она подняла голову и посмотрела в лицо тому, кому отныне она была обязана жизнью.

Удивительно, но принцесса сразу узнала его.

Никогда прежде они не встречались так близко, лицом к лицу, но некое внутреннее чутье моментально подсказало, что сейчас на нее смотрел тот самый мужчина, чей взгляд прошлой ночью она ощутила на себе столь явственно.

Возвышающаяся над ней фигура на фоне свинцово-серого неба казалась воплощением неодобрения. Хмурясь, мужчина смотрел на нее сверху вниз, отчего она, распростертая перед ним на сухой, безжизненной земле, сразу почувствовала себя совсем жалкой.

Уже второй раз в его присутствии на нее накатывала робость.

– Не могу выразить словами всю глубину моей признательности за спасение... – дрожащим голосом начала девушка, как вдруг...

– Раздевайтесь, – хмуро велел он.

Слова благодарности застыли у нее губах. В немом вопросе Эллери уставилась на спасителя, отказываясь верить в только что услышанное.

– У леди проблемы со слухом? – безо всяких сомнений, в его голосе прозвучала насмешка. – Я велел вам раздеться. Впрочем, если это слишком затруднительно, я могу и помочь.

Точно в подтверждении того, что слова мужчины не расходятся с делом, в его руке тускло блеснула узкая полоска стали.

Глава 2. На трех холмах

Все, что находится в этой долине, есть Зло. И земля, и небо, и воздух.

Этот заброшенный край олицетворяет собой Забвение. Здесь нет места жизни.

Передаются из уст в уста страшные рассказы о зловещем тумане, что несет с собой отчаяние и смерть. Именно из-за него долину прозвали Седой.

Но это не более чем заблуждение.

Самую большую угрозу Седой долины представляют болота.

И то, что кроется под ними.

(отрывок из «Записки старого Бозля. Том четвертый»)

Девушка охотно попятилась бы, если только за ее спиной не находилась жадно оскаленная пасть трясины.

– Ты не можешь говорить серьезно, – она выдавила из себя эти слова и сама же поморщилась, услышав в них нотки подступающей истерики. Словно мало ей было угодить в ловушку болота, оказаться на волосок от гибели и быть спасенной незнакомцем. Ко всему прочему ее спаситель оказался умалишенным!

– Пожалуй, да, – неожиданно легко согласился мужчина. Недоверчиво вскинув на него взгляд, девушка, как и ожидала, поймала отголосок насмешки, мелькнувшей в изгибе губ. – Я уверен, леди не захочет прибегать к помощи моего холодного приятеля и предпочтет раздеться самостоятельно.

– Да ты хоть представляешь, кто я такая? – она постаралась придать голосу уверенности, которую на деле совсем не ощущала. – Если мой отец узнает...

– Совершенно неважно, кто ваш отец, – мужчина с нажимом перебил ее, и голос его звучал твердо. – Сейчас здесь только мы с вами. И ради вашей же безопасности я говорю раздеваться. Немедленно.

Холодность, прозвучавшая в мужском голосе, заставила ее поверить – он действительно говорил серьезно.

Во дворце Эллери за глаза нередко называли особой взбалмошной и капризной, – она сама прекрасно знала это и старалась соответствовать сложившейся репутации. Но в критических ситуациях, когда для привычной маски избалованной принцессы не оставалось места, девушка могла рассуждать трезво и без лишних эмоций. Сейчас наступил как раз такой момент – осознав, что клинок в руках ее собеседника отнюдь не является игрушкой, и угроза воина очень даже реальна, девушка побледнела и призадумалась. Всю свою жизнь она находилась в окружении людей, рожденных, чтобы ей прислуживать. А сейчас... Стоящий впереди человек был опасен, и сопротивление ему могло к самым непредсказуемым последствиям. Поэтому каким бы всеобъемлющим ни было чувство гордости королевской дочери, смириться с обстоятельствами было единственным выходом, пришедшим ей на ум в данный момент.

Чтобы потянуть время, Эллери нарочито медленным движением коснулась отяжелевшего от воды ворота плаща, словно собираясь его снять. В голове, тем временем, мелькали отчаянные, почти обреченные мысли – что можно было сейчас предпринять, чтобы избежать позорной участи.

Мужчина, казалось, видел все ее торопливые размышления, и вид смешавшейся перед ним девушки доставлял ему нескрываемое удовольствие. Быть может, он хотел добиться, чтобы она начала рыдать и умолять о снисхождении? Может, целью его и было просто заставить ее унизиться?

Что ж, в таком случае она не даст ему повода торжествовать.

Призвав на помощь всю свою выдержку, Элери принялась раздеваться, глядя прямо в темные глаза воина. Плотные змейки шнуровки лифа платья никак не желали поддаваться усилиям тонких пальцев, крайне неохотно покидая узкие отверстия в ткани.

Закушенные девичьи губы подрагивали от подкатывающих рыданий, но королевская дочь упрямо продолжала цепляться за крохи гордости, что оставались единственным препятствием на пути потока слез, комом собравшихся в горле.

Ее мучитель продолжал стоять напротив, все такой же холодный и невозмутимый, и от безысходности ситуации, от того, что она была вынуждена делать, движения принцессы становились все быстрее и судорожнее. Под конец она уже просто рвала на себе ткань, не заботясь о сохранности платья – предчувствуя, что оно ей больше не понадобится.

Последний шнурок покинул свое гнездо – и мокрое платье бесформенной массой осело к ее ногам.

Тонкая ткань нижней рубашки не могла служить защитой ни от сощуренного взгляда, ни от дуновения холодного воздуха. Ощувив кожей неприветливый ветер, Элери нашла в себе силы отстраненно удивиться одному его присутствию в этой мертвой долине.

Наконец, заключительная преграда оказалась повержена. Смятая рубашка полетела вниз, на землю, к уже расprostертому платью, и волна мурашек прокатилась по обнаженному телу девушки, покрыв крупной дрожью кожу и заставив напрячься крохотные бусины груди.

Нагая, беззащитная, Элери выпрямилась перед мужчиной, до боли сжав пальцы в кулак, чтобы побороть инстинктивное желание прикрыться, свернуться в комок от внимательных изучающих темных глаз. Вместо этого она взглянула на воина с вызовом во взгляде.

Будучи истинной дочерью своего отца, девушка скорее умерла, нежели позволила бы чужаку увидеть свои слезы.

Во всей этой ситуации – помимо откровенной ее унижительности, конечно, – присутствовало нечто, заставляющее Элери ощущать смутную неправильность испытываемых ею чувств. Что-то было во всем этом – в том, как она стояла нагая перед мужчиной, позволяя его беззастенчивому взору бесстыдно гулять по девичьему телу, в то время как сам воин находился перед ней наглухо завернувшийся в длинный плащ, не оставляющий ни кусочка открытой кожи. Что-то запретное и противоречивое, прежде незнакомое, и в то же время крайне отличающееся от стыда или смущения.

Томительно текли мгновения, воин не предпринимал никаких попыток придвинуться к ней, и Элери позволила на миг ослабить тугую пружину напряжения, владевшего телом.

Но ей пришлось пожалеть об этом – в тот самый миг, когда стоящий напротив мужчина неторопливо и как-то даже лениво расстегнул у горла большую фибулу с изображенной на ней головой дракона. Высвобожденные полы ткани торжествующе затрепетали на ветру.

Когда мужчина, полностью избавившись от плаща, сделал шаг к ней, Элери все-таки не выдержала – трусливо прикрыла глаза, до последнего отказываясь признавать поражение.

Но вместо грубого прикосновения или удара – всего, что она успела себе напредставлять, девушка вдруг ощутила, как на ее плечи ложится шероховатая ткань, укрывая тело.

Вздвигнув от неожиданности, принцесса в неверии распахнула зеленые глаза, в немом вопросе уставившись на собеседника, впервые получив возможность рассмотреть его лицо так близко. Его черты не могли похвастаться тонкостью или изящностью. Нет, напротив, он был красив сильной, истинно мужской красотой. Легкая щетина на смуглой коже ничуть не портила мужчину, над темными глазами вразлет шли густые брови, губы – неожиданно полные и чувственные, – были сжаты.

– Нам пора, – коротко произнес он вместо всяких объяснений и подобрал останки платья у ног опешившей девушки. Окинув ее внимательным взглядом, чуть насмешливо доба-

вил, отворачиваясь: – Разве что леди прониклась симпатией к этому месту и не желает возвращаться?

Пропустив мимо ушей очередную колкость, она растерянно запахнула полы плаща, все еще силясь понять, что только что случилось. И чего не случилось.

– Постой, – это слово полетело в спину ее спасителя. Он остановился, но не обернулся. – Что все это было? Ты хотел надо мной посмеяться?

– Все, что есть в этой долине, – отравлено, – по-прежнему не оборачиваясь, бросил он. – В том числе и болотная жижа.

Она с ужасом услышала его слова и точно дожидаясь этих слов, тело разом вдруг начало чесаться и зудеть.

А в следующий миг вместе с озарением нахлынула и ярость.

– Так почему ты не сказал мне этого сразу? Зачем нужно было устраивать весь этот спектакль?

Вместо ответа на миг он обернулся. На смуглом лице ослепительно сверкнула и погасла широкая улыбка, после чего мужчина спокойно продолжил движение. Это произошло так стремительно, что обескураженная девушка замешкалась, гадая, а не привиделось ли ей.

«Осел!» – всю дорогу бесновалась принцесса, то и дело морщась от болезненных ощущений – босые ступни остро ощущали неровную поверхность болотистых земель, каждый их камешек, каждый острый сучок, и как жалела сейчас девушка, что её конь от испуга не стал дожидаться свою невезучую наездницу.

Эллери мысленно осыпала своего проводника проклятиями, посылая тому в спину гневные взгляды. Они, впрочем, нисколько не мешали мужчине. Лишенная плаща широкая спина, обтянутая простой льняной рубашкой с серебристо-черной тесьмой по краям, выглядела весьма и весьма внушительно. Возможно, девушка даже могла бы найти объект своих невольных рассматриваний привлекательным – конечно же, спину, а уж точно не самого нахала и наглеца! – встретиться они при других обстоятельствах.

Но единственным чувством, сейчас бушевавшим королевскую дочь, был гнев.

Впрочем, довольно скоро он сменился раскаянием – стоило увидеть лицо нянюшки, на котором отчетливо виднелся отпечаток недавних переживаний. С самого детства Эллери не переносила одного даже вида чужих страданий, поэтому часто брала на себя вину за проделки и порой не совсем невинные шалости друзей. Дочери короля прощалось куда большее, нежели ее менее родовитым соратникам по играм.

Вытерпев не по-старчески крепкие объятия няни, Эллери наконец-то осуществила страстное желание поскорее отмыть кожу от потеков ядовитой – если верить словам наемника – жижи.

Норку удалось отыскать редкий в этих местах сравнительно чистый источник – на самом деле вода в нем была мутно-серого цвета, но это была действительно обычная дождевая вода, а не болотная грязь.

Морщась от холода и омерзения, девушка обтерла тело куском смоченной в воде ткани, пока на коже не осталось ни единого грязного развода. Понадобилась помощь няни, когда дело дошло до спины и волос, и в итоге общими усилиями спустя час Эллери стояла мокрая, замерзшая, но относительно чистая.

Удостоверившись, что она не пропустила ни единого участка, девушка потянулась к платью и сапогам, что успела для нее достать Ниньи из собранных наспех вещей, захваченных с собой из дворца. Облачившись в сухие вещи, девушка блаженно улыбнулась, пальцы привычным жестом потянулись к груди, но вместо успокаивающей прохлады украшения ухватили пустоту.

Она потеряла медальон!

Поспешно оглядев все вокруг, Эллери не смогла найти ничего – ни цепочки, ни самого кулона. Значит, потеряла она их во время скачки, и отыскать пропажу уже было невозможно.

Как будто недостаточно было происшествий для одного дня!

Глухо простонав от крайне неприятного открытия, девушка принялась неохотно обуваться, все еще переживая потерю.

Этот медальон был с ней почти с самого рождения, и Эллери трудно было представить себя без него. Закончив переодеваться, девушка накинула на плечи широченный плащ Норка, который тот любезно одолжил своей госпоже. Плащ ее спасителя был безнадежно испорчен – вся внутренняя подкладка пропиталась болотной водой.

Обойдя карету, послужившую ей своеобразной ширмой, девушка вышла к ожидавшим ее спутникам. К недовольному удивлению Эллери, рядом с няней стоял виновник ее раздосадованного состояния: ее спаситель (или мучитель?) о чем-то весьма благодушно беседовал со старой женщиной. На его лице раз или два даже успела мелькнуть слабая улыбка – ровно до того момента, пока он не увидел вышедшую девушку. Тотчас же на его лицо вернулось прежнее непроницаемое выражение.

Проворчав себе под нос, девушка обратила внимание на прежде незамеченную деталь – перед ногами наемника дымился небольшой костер, в котором догорали остатки ее платья.

Молча забрав у подошедшей девушки завернутый в ком плащ, мужчина небрежно зашвырнул его в пламя.

Завидев ее нахмурившиеся брови, он снисходительно, как показалось Эллери, пояснил: – Нельзя ничего оставлять или забирать с собой.

Вместо ответа она лишь недовольно поджала губы, все еще пребывая в растрепанных чувствах после устроенного им спектакля. Потеря любимого украшения тоже не добавила настроения.

Как оказалось, на них напал волк. Что само по себе уже было странно, так как последних волков истребили еще задолго до рождения девушки. Кроме того еще удивительнее было то, как зверь сумел выжить в этих местах.

Но огромная мохнатая шкура со спутанной шерстью действительно принадлежала волку. Бросив быстрый взгляд в сторону убитого животного, девушка едва уловимо поморщилась и отвернулась.

Из всего каравана она оказалась не единственной, кого понесла лошадь, – но остальные бедолаги отделались ушибами и легким испугом. Больше всех, конечно, не посчастливилось Эллери – но здесь очень своевременно на «сцене» появился таинственный незнакомец, с блеском сыгравший роль спасителя.

Обо всем этом девушке пришлось поведать многочисленным страждущим, собравшимся вокруг и желающим знать все подробности чудесного избавления из недр топи. Стараясь не сильно расписывать подвиги наемника, Эллери кратко пересказала суть дела, разумеется, умолчав о последовавшей сцене раздевания.

Наконец, всеобщее возбуждение и азарт схлынули, и мало-помалу большинство путников разбрелись по своим местам, готовясь продолжить путь. К огромному облегчению девушки выяснилось, что самую узкую часть тропы они уже преодолели, так что теперь можно было вернуться в свои экипажи.

Ко всем неприятным событиям этого дня прибавилось еще одно маленькое открытие: что крайне не понравилось сейчас девушке, так это выражение глаз Ниньи. Уж больно тепло поглядывала старая нянька, обычно настороженно относящаяся ко всем чужакам, на высокого мужчину, вероятно, безоговорочно записав того в герои сегодняшнего дня.

Оставив без внимания, что так оно и было на самом деле, девушка, отвернувшись, проществовала к карете, с неслышным вздохом облегчения устраиваясь на привычном жестком сиденье, что всего пару дней назад казалось таким неудобным.

Остаток путешествия в сравнении с первой частью пролетел незаметно. Утомленная всеми свалившимися на ее голову несчастьями, принцесса задремала – а когда открыла глаза, на горизонте уже возвышались серые стены города.

Их встретила такая привычная шумная неразбериха на узких улочках: громкие крики торговцев, ругань кучеров и запах нечистот. Знакомая атмосфера городской жизни заставила девушку расслабиться: наконец-то томительное путешествие подходит к концу! Остался последний рывок – и скоро она сможет увидеть своего избранника.

Однако окончание столь долго тянувшегося дня знаменовало еще одно событие. С удовольствием покинув опостылевшую карету, девушка обнаружила неприятный сюрприз.

– Что *он* здесь делает? – она с нажимом спросила старую няньку, метнув холодный взгляд в сторону застывшего с невозмутимым видом наемника, держащегося на расстоянии у кареты, но, несомненно, ожидающего именно их.

Та окинула воспитанницу задумчивым взглядом.

– Тебе понадобится его помощь, Лери.

Девушка задохнулась от возмущения.

– Его помощь? Мне? Да уже завтра я встречусь с Майином – и дальше у меня будет свой личный защитник.

– Вот именно, что завтра, – твердо проговорила нянька. – А до этого момента нам еще нужно дожить. Сама видишь, в этих краях опасно путешествовать без защиты.

– Но почему именно он? – она в отчаянии попыталась еще раз воззвать к Ниньи, но та сделала вид, что не услышала обращенных к ней слов.

– Элери, – женщина нечасто звала воспитанницу полным именем, поэтому девушка сразу приуныла, готовясь к серьезному разговору. – Я не стала спорить с тобой или пытаться образумить, когда ты затеяла эту поездку. Хотя, видит Бог, у меня были возражения – и не одно. Поэтому теперь я настаиваю, чтобы оставшийся отрезок пути мы проделали под защитой опытного воина.

– Мы даже не знаем, насколько он хорошо обращается с оружием, – для видимости попыталась возразить девушка, но без особой надежды – по глазам собеседницы заранее был ясен итог любых споров.

– Иди, – вместо ответа старая женщина неожиданно подтолкнула воспитанницу к наемнику.

– Зачем? – возмущенно зашипела Элери, сопротивляясь.

– Он сказал, что договариваться будет только с тобой.

– Это еще почему? – распахнула глаза принцесса, и тут же недовольно нахмурилась.

– Ну, ты ведь еще не успела поблагодарить его за спасение? – в проницательных глазах Ниньи мелькнули и погасли смешинки. – А теперь иди.

Неохотно приблизившись, девушка вздохнула, беря себя в руки и, насколько могла, благожелательно обратилась к мужчине.

– У меня не было возможности поблагодарить тебя, – начала она, стараясь не встречаться взглядом с мужчиной.

– Я весь во внимании, – сдержанно отозвался он, от тона его голоса все попытки сдержаться растаяли как дым.

– И я не собираюсь этого делать, – моментально вспыхнула девушка. – Довольно и того зрелища, что тебе довелось увидеть! Немало мужчин мечтало оказаться на твоём месте.

– Неужели? – понизив голос, нарочито заинтересованно проговорил он. – А я вот что-то не припомню ничего запоминающегося. Может, все дело в моей рассеянности? – он с притворным сожалением покачал головой. – Наверное, нам стоит повторить то небольшое представление, уж тогда-то я непременно все в деталях рассмотрю и запомню.

– Ты опять надо мной смеешься! – принцесса не сдержала возмущенный крик, после чего силой заставила себя успокоиться, напоминая себе, что ее собеседник, похоже, – просто шут, и не стоит воспринимать его всерьез. – Я хочу, чтобы ты сопровождал меня.

Она ожидала новой порции насмешек, но мужчина совершенно по-деловому осведомился, надевая привычную маску невозмутимости.

– Сопровождал? И куда же?

– Это недалеко отсюда – всего полдня пути, – небрежно пояснила девушка. Ее собеседник продолжал ждать пояснений, поэтому она сдалась и торопливо проговорила, отводя взгляд в сторону. – Церковь на трех холмах.

– Старая церковь? – задумчиво повторил вслед за ней мужчина. – Интересно... Любопытное место для посещений. Что ж, мой путь все равно пролегает рядом, поэтому я, может, и соглашусь. Пять золотых, – без перехода отрывисто проговорил он, испытующе глядя на девушку.

– Что? – она вновь не сдержала возмущения. – Да ты не воин, а какой-то обдирала! Тут дел-то на десяток медных монет, не больше!

– Ваше право, – невозмутимо пожал плечами мужчина и отвернулся, демонстрируя, что разговор окончен.

Девушка обернулась – Ниньи стояла в отдалении, внимательно наблюдая за ними.

– Хорошо, – со вздохом проговорила Эллери, признавая поражение. – Ты получишь деньги. Жди нас утром в таверне, отправимся на рассвете.

Не удостоив ее ответом, мужчина развернулся и спустя пару мгновений скрылся из виду.

А девушка развернулась к ожидающей ее Ниньи и хмуро кивнула головой в знак того, что желание няни исполнено.

Однако следующим же утром новый знакомый был настроен куда менее благодушно.

Как и было обговорено, утром, к моменту, когда Эллери спустилась в большой зал, он уже ждал ее. В самом скверном расположении духа.

– Вы ни о чем не хотите мне рассказать? – вместо приветствия поинтересовался он, когда она присела за стол рядом с ним. Сегодня на нем красовался новый плащ с пушистым лисьим мехом на плечах. На мгновение девушку вдруг посетило безотчетное желание провести рукой, проверяя мягкость рыжей шкурки, но ледяной взгляд темных глаз моментально привел ее обратно в чувство.

– Ума не приложу, что я могла бы тебе поведать, – беспечно отозвалась принцесса, пытаясь глазами отыскать служанку, деловито снующую между столами.

– К примеру, о том, какова цель нашего путешествия, – скучающим тоном проговорил мужчина. – Или же рассказать, от кого вы бежите, и кто вас преследует.

– С чего ты взял, что я от кого-то бегу? – за небрежным фырканьем она постаралась скрыть настороженность.

– Исключительно интуиция, – холодно улыбнулся он. – А также тот наверняка не стоящий вашего внимания факт, что сегодняшним утром стражникам поступил приказ задерживать всех путешественников, кто хотя бы отдаленно напоминает троих путников.

– И кого же? – упавшим голосом переспросила принцесса, уже догадываясь, каков будет ответ.

– Старую женщину, высокого рослого детину со шрамом через всю левую щеку, – лениво перечислял он, длинными пальцами барабана по неровной деревянной поверхности. – А, главное, – путешествующую вместе с ними молодую рыжеволосую девицу.

Обвиняющий взгляд мужчины скользнул по выбившейся из прически медного цвета пряди. Эллери торопливо заправила ее за ухо и призадумалась.

У нее были опасения полагать, что отец не поверит, что она действительно решила посетить подругу, – особенно учитывая, что Эллери гостила у нее совсем недавно. Однако она

до последнего надеялась, что ищейки отца спохватятся слишком поздно для того чтобы что-либо можно было исправить. Горько было думать, что ее надежды не оправдались.

– Ну, так что? – поторопил ее мужчина.

– Что ты желаешь от меня услышать? – исподлобья посмотрела на него принцесса.

– Правду, – коротко произнес он. – Кто вы. И от кого вы бежите.

– Я – дочь весьма знатного вельможи, – туманно произнесла Эллери, почти не покрывив душой. – Отец подобрал мне супруга, однако я не хочу выходить замуж за старика.

– Извечная проблема всех молодых особ, – хмыкнул воин, но в глубине темных глаз мелькнуло странное, совсем не подходящее ему выражение. Прежде чем девушка сумела понять, что оно ей напомнило, он продолжил: – И вместо того, чтобы исполнить родительскую волю, вы решили сбежать с возлюбленным? Какой избитый сюжет.

– Тебя это совершенно не касается, – холодно проговорила девушка. – Все, что от тебя требуется, – это сопроводить меня и моих спутников до старой церкви.

Он насмешливо выгнул бровь, но оставил эти слова без внимания. Вместо этого перевел взгляд куда-то за спину девушки и поднялся, уступая место подошедшей старой женщине, под руку сопровождаемой Норком.

Коротко пересказав помрачневшей няньке утренние новости, Эллери замолчала.

Оглядев всех присутствующих за столом, наемник четко и веско озвучил вердикт:

– Нам нужно разделиться.

Три пары изумленных глаз уставились на него.

– Это исключено!

– Я никуда без них не поеду!

– Мы не можем отпустить Эллери одну!

Три фразы, произнесенные в унисон, заставили мужчину пожать плечами:

– Иначе покинуть город не выйдет. Единственная возможность сделать это – выехать разными путями и встретиться после в определенном месте.

– И как ты представляешь себе это? – скептически произнес Норк, вступая в обсуждение.

– Вы покинете город через Северные ворота, мы с госпожой, – он бросил насмешливый взгляд на насупившуюся Эллери. – Через Южные. Обогнем город и встретимся на западном склоне, после чего вместе направимся к Трем Холмам.

– А почему бы тебе в таком случае не сопровождать меня? – сощурилась няня. – Тогда Норк отправился бы с Эллери.

– Возможен и такой вариант, – легко согласился наемник. – Только вот нужно учесть, что охота объявлена именно за ней, а не за вами. Поэтому если с любой подходящей под описание рыжеволосой девушкой будет находиться кто-то из вас – это значит неминуемо нарваться на проверку.

– Он прав, – со вздохом вынуждена была признать принцесса.

– И все равно на душе беспокойно, – качая головой, медленно произнесла нянька. – Как бы не случилось беды.

Спустя час девушка против воли вновь и вновь вспоминала эти слова Ниньи, стараясь подавить в себе нарастающую панику.

Они с наемником находились в толпе у Южных ворот, ожидая своей очереди. Стражники особо внимательно осматривали всех въезжающих. Желаящим покинуть город внимания уделялось куда меньше, но Эллери все равно стало не по себе, когда приземистый страж с усталым выражением лица посмотрел на нее. Девушка выдавила вымученную улыбку, но она осталась незамеченной. Темные пряди, обрамлявшие девичье лицо, на пару мгновений задержали на себе его взгляд, после чего он кивнул, пропуская принцессу к уже освободившемуся наемнику, поджидающему ее впереди.

Ощущая небывалую эйфорию, принцесса пришлось самой себе признать, что это стоило того, чтобы позволить обмазать свои красивые локоны подозрительной на вид вязкой темной массой, живо всколыхнувшей недавние воспоминания о болотистой топи. Впрочем, откуда наемник раздобыл эту гадость, она благоразумно спрашивать не стала. Да и не было возможности для этого – стоило им удалиться от города, как он направил своего жеребца вперед, не особо, кажется, интересуясь, успевает ли за ним Эллери на своей невысокой смирной лошадке.

Девушка слегка потрепала животное по густой гриве, Впрочем, не забывая крепко держать поводья – уж был слишком свеж в памяти предыдущий печальный опыт сумасшедшей скачки.

Яркий солнечный шар на ослепительно чистом небосклоне порождал легкое чувство тревоги – слишком стремительно мчались минуты, неумолимо приближая час встречи, в то время как расстояние сокращалось с куда меньшей скоростью.

Эллери рассчитывала наверстать упущенное после встречи со своими спутниками, однако в ее планы вмешалось новое препятствие.

В условленном месте они прождали больше часа, пока даже упрямо насупившейся девушке не пришлось признать – кто-то или что-то задержало их спутников.

Когда она со вздохом поведала спутнику о своих мыслях, в ответ он произнес лишь одно слово.

– Карета.

– Что с ней? – непонимающе нахмурилась девушка.

– Ваша карета, – мрачно пояснил он, озвучивая предмет своих недавних размышлений. – Она принадлежала вашему отцу? Я не заметил герба на дверце, но, похоже, ее могли узнать.

– Да, это одна из отцовских, – растерянно подтвердила принцесса. – Но использовалась она для хозяйственных нужд, ее бы не потеряли в первую очередь, поэтому мой выбор и пал на нее. Ты хочешь сказать, что их могли обнаружить благодаря ей? – запоздалое озарение настигло Эллери.

– Если это так, – задумался воин. – То тогда недолго осталось гадать – они наверняка догадаются, что то был обманный маневр, и их настоящая цель покинула город. А, значит, надо ждать погони.

Девушка округлила глаза.

– А как они поймут, по какой именно дороге следует двигаться?

– Скорее всего, погоня будет по всем направлениям, – предположил мужчина, внезапно прищурившись и глядя за спину девушки. Обернувшись, Эллери увидела далеко позади несколько быстро приближающихся точек.

– А, может, это они и есть, – медленно проговорил мужчина. – Этой дорогой пользуются нечасто, так что случайные путники тут редкость. Ждать Ниньи с Норком, боюсь, уже нет смысла. Поэтому надо продолжать путь.

– Мы же не можем их бросить! – поразились Эллери.

– Мы не можем ничем сейчас им помочь, – возразил собеседник. – А госпоже, как я понял, было очень важно не опоздать? Между тем мы уже и так не успеваем к полудню, – добавил он невыразительно, вновь устремляя взгляд на далекие фигуры всадников.

Смирившись, девушка отошла к неторопливо жующей траву лошади и принялась отвязывать поводья.

– Надеюсь, леди умеет ездить верхом, – мужской голос окликнул ее спустя миг.

– Ты же сам видел, что я недурно держусь в седле, – напомнила она о вчерашнем дне.

– Держитесь – вполне, – согласился мужчина. – А вот умеете ли по-настоящему ездить? Сейчас и узнаем.

Это была самая безумная гонка в ее жизни.

Очень скоро девушке пришлось постигнуть нехитрый смысл вопроса собеседника. Ибо мчаться с такой бешеной скоростью ей не приходилось еще никогда. Элери даже показалось, что скачка вчерашнего дня, когда ее нес перепуганный конь, и в сравнение не шла с тем, что происходило сейчас.

Вскоре стало ясно, что точки на горизонте, превратившиеся в четырех всадников, и не думали куда-то сворачивать или отставать – по всей видимости, наемник оказался прав – эти люди целенаправленно двигались по их следам.

Даже скорость, с которой принцесса со своим спутником пытались оторваться от погони, не спасала – преследующие упрямо сокращали расстояние, становясь все ближе и ближе. Очевидно, наемник пришел к такому же выводу, когда на очередной развилке он вдруг резко повернул направо. Девушка в последний момент последовала его примеру.

Полоса дороги становилась все уже и заброшеннее, а деревья вокруг – все чаще и гуще. Бедные лошади, измотанные бешеным ритмом скачки, двигались все медленнее. Приходилось то и дело уворачиваться от коварных веток, что лезли прямо в лицо, и изрядно сбавить скорость, двигаясь узкими лесными тропками, где узловатые корни деревьев так и норовили поймать в свою ловушку случайных путников.

Они петляли и блуждали в непролазной зеленой чаще, девушка давно уже потеряла счет времени и расстоянию, поэтому когда перед ними внезапно возник простор, залитый солнечным светом, в первый момент она ослепла от яркого сияния.

С глухим стоном спешившись, принцесса обессиленно опустила на траву, не заботясь о платье. Тело было настроено категорически против любых попыток принять вертикальное положение, и Элери тихо порадовалась отсутствию рядом придворных и даже, самую малость, – старой Ниньи. Которая точно бы не одобрила такое поведение девушки и непременно заставила бы ее подняться, невзирая на все мольбы об усталости.

Закрыв глаза, она слышала глухой звук приземления, свидетельствовавший, что ее спутник тоже покинул седло.

Она открыла глаза в тот самый момент, когда он блаженно потянулся, осматриваясь.

– Оторвались! – весело констатировал он. – Теперь до наступления ночи нас им точно не догнать.

Широкая улыбка удовольствия осветила смуглое лицо.

Глаза горели огнем после быстрой скачки, на высоких скулах расцвел румянец, широкая грудь часто вздымалась после быстрой скачки.

И при свете ярких лучей, вдруг расцветивших взгляд, девушка изумленно обнаружила, что глаза у ее спутника отнюдь не черные, как ей казалось все это время, а нестерпимо, невозможно, дурманяще синие. Такие яркие и сияющие, что впору было задаться вопросом, где были ее собственные глаза, коли Элери заметила это только сейчас.

Поймав на себе ее потрясенный взгляд, мужчина враз поскуучнел.

– Что опять не так? – поинтересовался он без особого интереса.

Она разочарованно отвернулась и принялась подниматься, оставив без внимания его реплику.

Для вида долго и тщательно отряхивая платье, – а на самом деле, собираясь с мыслями, – девушка, наконец, взяла себя в руки и поинтересовалась ровным голосом:

– Сколько еще нам осталось?

Он помедлил с ответом, и от этой заминки в душе девушки проснулась тревога.

– Чтобы запутать погоню мы свернули в другую сторону, – начал он. – Поэтому удалились несколько западнее, чем следовало.

– Сколько? – упрямо повторила девушка

– Часов пять-шесть, – прямо ответил он. – А, возможно, даже дольше.

Она в ужасе перевела взгляд на небо.

– Мы должны успеть, – скорее себе, нежели собеседнику, прошептала Эллери и бросилась к коню, забыв про усталость.

Но каким бы сильным не было желание девушки, заставить время замедлить ход она, увы, была не в силах.

Сияющий солнечный круг понемногу начал клониться к западу, знаменуя приближение завершения дня.

– Быстрее, быстрее, миленький мой! – Эллери с отчаянием уговаривала уставшего коня бежать быстрее. Животное словно вняло её мольбам и из последних сил ускорило.

Ветер свистел в ушах, деревья сливались в сплошную размытую полосу зелени, и лишь узкая лента дороги да неуклонно опускающееся солнце – вот единственное, что занимало сейчас принцессу.

Алый багрянец сперва робко и нерешительно коснулся краешка небесной лазури. Не встретив сопротивления, невидимый художник осмелел – его кисть замелькала, разукрашивая небо над головами всадников причудливыми багряными узорами.

Розовый, оранжевый, желтый, пурпурно-алый, – горизонт полыхал и переливался всеми цветами, точно стремясь продемонстрировать случайным путникам богатую палитру красок.

Но принцессе не было дела до развернувшейся красоты. Все, что имело теперь значение – стремительно утекающее время.

Наконец, полоса дороги повернула и вывела всадников напрямик к стоящему на возвышении старому зданию. Когда-то светлые стены потемнели от времени, бурно разросшаяся зелень ощущала себя полноправной хозяйкой этого места. Было заметно, что за садом давно никто не ухаживал.

Но даже несмотря на запустение здание очаровывало изяществом старины, плавностью линий остроугольной крыши с витражным окошком, сверкающим в свете прощальных закатных лучей. Позади строения виднелась ограда кладбища, прилегающего к церкви. В мягко стелящихся по земле сумерках темнели одинокие надгробья.

Проворно спешившись, не дожидаясь помощи мужчины, девушка ничего не видя и не слыша, устремилась к заветной двери.

Наемник неспешно последовал за ней, на ходу оглядывая местность и отмечая детали, которые обделила вниманием Эллери: отсутствие коней или кареты, ожидающих хозяина, темные провалы окон, лишённые света. Сонную тишину, царящую в этом умиротворяющем месте.

Вслух он не произнес ни слова, но во взгляде темных глаз зажглось предчувствие того, что ожидало их за резной деревянной дверью.

Стремительно ворвавшись в темное помещение, девушка застыла на пороге, застигнутая врасплох отсутствием света. И безмятежной, тягучей тишиной, патокой растворенной в воздухе.

– Что привело вас сюда, дети мои?

Сперва раздался удивленный хриплый голос – а после появилась высокая фигура, держащая в руках одиноко горящую свечу.

Эллери огляделась – долговязая фигура священника была единственной, кто находился внутри.

Пустая зала дрожала и трепетала десятком теней, освещаемая слабым светом огонька свечи.

– Он не дождался, – упавшим голосом проговорила Эллери. – Мы опоздали.

– О ком ты говоришь, дочь моя? – недоуменно воззрился на нее пожилой мужчина, наконец, приблизившийся настолько, чтобы она могла разглядеть его лицо. – Вы кого-то ищете?

– Юноша, который был тут днем. Он уже уехал? – она постаралась скрыть свое отчаяние, но судя по жалостливому выражению глаз собеседника, сделать это ей не удалось.

– Не было никакого юноши, – с прежним недоумением, но уже изрядно разбавленным сочувствием, ответил святой отец.

– Не было? – медленно переспросила она, хотя прекрасно слышала все с первого раза. Просто в голове никак не желал укладываться глубинный смысл на первый взгляд незамысловатого ответа.

– Никого, – подтвердил он. – Я был здесь один сегодня. Вы первые, кто нарушил мое одиночество.

– Извините, что потревожили ваш покой, – внезапно в разговор вступил до этого молчавший мужчина, все это время находившийся за спиной девушки. Невесомым движением коснувшись плеч застывшей в ступоре девушки, он подтолкнул ее к двери, одновременно, прощаясь со старым служителем.

Точно зачарованная, она послушно последовала за ним, пока в голове ее пыталась уложиться нехитрая истина.

Он не пришел.

Глава 3. Первая кровь

Когда-то давно в этих местах была лишь одна хозяйка – широкая река Руби, что величественно и неторопливо несла свои воды через всю долину. Но настали темные времена, обмелело прежде глубокое русло, иссохли синие воды – и на место реки пришли Великие Болота. Кто-то считал это волей господней, кто-то решил, что виноваты люди, но были и те немногие, кто сразу почувствовал неотвратимость произошедших перемен. И кто первым осознал, что в долину пришло Зло.

С той поры закрепилась за этим местом дурная слава, караваны перестали ходить по здешним землям, ушли звери, погибли растения.

Но то, что дремлет в глубине под слоем мутной воды и жижы, – оно по-прежнему живо. И будет жить еще долго.

(отрывок из «Записки старого Бозля. Том четвертый»)

– Что теперь нам делать?

Эллери первой решила прервать тягостное молчание, но звучание собственного голоса напугало – таким беспомощным и дрожащим он показался на фоне оглушительной тишины, царящей вокруг.

– Нам? – с интересом переспросил ее собеседник, сощурив глаза.

– Хорошо, мне. Что теперь делать мне? – она с нажимом произнесла последнее слово.

– Вы вернетесь к отцу, покаетесь, – внезапно равнодушно пожал плечами мужчина, отвернувшись и глядя куда-то вперед. – И продолжите играть роль послушной дочери. Попытка воплотить в жизнь сказочный сюжет не удалась.

– Нет! – Глаза, еще недавно грозящие наполниться соленой влагой, яростно засверкали, моментально позабыв про слезы. – К отцу я ни за что не вернусь!

– Разве у вас есть какой-то другой выход? – скептически хмыкнул в ответ воин, направляясь к стоящим в стороне лошадям, которые все это время неторопливо щипали траву.

– В первую очередь мне нужно найти Норка и Ниньи, – упрямо возразила девушка, следуя за собеседником. – Но сделать это необходимо, не попадаясь на глаза слугам отца.

– А что дальше? Вы ведь не собираетесь всю жизнь бегать от него в сопровождении кучки слуг? – покачал головой мужчина.

– Я не собираюсь возвращаться к отцу, потому что уверена – Майину помешали приехать сюда! И я беспокоюсь за его безопасность, – хмурясь, принцесса озвучила гнетущие ее сомнения. – Поэтому намереваюсь отыскать его и убедиться, что с ним все в порядке.

– Я предполагал такой вариант развития событий, – лениво протянул воин. – И очень даже опасался, что вы придете к этому выводу.

– С чего бы тебе бояться? – фыркнула она, постепенно приходя в себя после недавнего потрясения.

– Потому что, как я уже имел возможность в том убедиться, любая мысль, зародившаяся в вашей хорошенькой головке, неизменно влечет последствия. А уж во что может вылиться поиск несостоявшегося жениха – страшно представить. – В синих глазах мелькнули и погасли смешинки. – И самая пугающая часть всего вышеизложенного заключается в том, что в ваших глазах я читаю отчетливое намерение приобщить к данному поиску мою скромную персону.

– Да, – она даже не стала отнекиваться. Широкая улыбка расцвела на девичьем лице, знаменуя точное попадание предположения в цель. – В одиночку мне не осуществить задуманное. Я заплачу – более чем щедро, – торопливо заговорила Эллери, завидя, что наемник открыл рот, очевидно, собираясь возразить.

– Мне не нужны деньги, – коротко покачал головой он и поправил сам себя: – Не больше, чем я уже заработал с вашей помощью.

– Ты какой-то неправильный наемник! – по-детски недовольно надула губы принцесса. На твоём месте я бы... – начала, было, она, но он недоверчиво перебил:

– На моём месте?

– А что? – прищурившись, начала рассуждать девушка. – По-моему, быть наемником весьма здорово. Пожалуй, – она даже сделала вид, что задумалась. – Если ты не сможешь отыскать жениха, то мне не останется ничего другого, кроме как податься в вашу братию. Путешествия, скачки, битвы – звучит весьма воодушевляюще! Глядишь, тоже стану наёмным воином и присоединюсь к тебе!

– От обрисованных вами перспектив у меня волосы на затылке встают, – честно признался мужчина с хмурым выражением лица. – И уж точно не от воодушевления.

– Ну так что? Ты сможешь? Мне больше некого просить о помощи... – помявшись, принцесса все же выдавила из себя такое нелегкое признание

Ответом ей послужил тяжелый взгляд, в котором девушке сквозь недовольство и укор все же удалось разглядеть – он не откажется!

Обратный путь оказался в разы длиннее. Львиную долю этого времени занял привал – когда мягким покрывалом землю укрывала летняя ночь, и искать дорогу в темноте стало невозможно, путникам пришлось спешиться.

Ох и натерпелась страху Эллери в первые минуты, осознав, что ей предстоит провести ночь в глухом лесу без привычного окружения слуг в компании одного лишь наемника. Впервые за последние дни девушка задумалась, а правильно ли она поступила, так безоглядно ринувшись с головой в это путешествие.

Вероятно, все эти мысли так отчетливо читались в девичьем взоре, что наемник, разволнованный костер, внезапно замер, а затем медленно спросил:

– Бойтесь?

– Окружающей ночи? – она попыталась сделать вид, что не поняла сути его вопроса.

– Меня.

– Я не столь пуглива, – принцесса вздернула подбородок, пытаясь выглядеть невозмутимой.

Но ей не удалось его провести; негромко хмыкнув себе под нос, воин отвернулся, подбрасывая сухие ветки.

– Я впервые нахожусь так далеко от дома. И впервые в жизни я одна, – призналась она, глядя на разгоревшееся пламя. – Без Ниньи. Она, наверное, сейчас сходит с ума, гадая, где я и все ли со мной в порядке. И тысячу раз жалеет, что вообще согласилась на эту авантюру.

– Всегда непросто оставлять привычный уклад жизни за спиной, – серьезно кивнул мужчина, отходя от весело потрескивающего костра, ярко освещавшего небольшую поляну – их сегодняшнее пристанище. – Особенно поначалу.

Оглядевшись, наемник развел руками:

– К сожалению, большего комфорта я вам обеспечить не могу. Ни мягкой перины, ни воды с благовониями для умывания, к которым так равнодушны юные леди. Единственное, что я могу вам обещать, – такого роскошного потолка, усеянного звездами, вам точно не доводилось видеть даже в самых роскошных дворцах.

По-видимому, столь нехитрым способом он пытался отвлечь Эллери от тоски по дому. Но мысли девушки приняли совсем иное направление.

Задумчиво глядя, как тени, играя, ложатся на правильные черты мужского лица, словно расписывая смуглую кожу замысловатыми узорами, она медленно произнесла:

– Как твое имя?

Застигнутый врасплох мужчина недоверчиво взглянул на девушку, не доверяя слуху. Убедившись, что вопрос был расслышан верно, он едва уловимо нахмурился.

– Бродяга, – кратко отозвался он, отводя взгляд.

– У тебя ведь должно быть имя, – возразила девушка. – То, какое при рождении дали родители.

– Я предпочитаю не вспоминать этого имени, – неохотно процедил мужчина, но ее явное нежелание собеседника продолжать разговор не остановило от дальнейших расспросов:

– А почему?

– Слишком много плохих воспоминаний, – пожал он плечами, скрещивая руки на груди. Эллери помолчала.

– А где сейчас твои родители? – нерешительно вновь спросила, чувствуя, что ступает на запретную территорию, но разгоревшееся любопытство было не унять.

– Умерли. Оба, – собеседник был до предела лаконичен. – Можете не утруждать себя соболезнованиями и прочей ерундой. Я не нуждаюсь ни в жалости, ни в сочувствии. И в чужом любопытстве, кстати, тоже. Я лишь наемный слуга – один из многих, который, к тому же, очень скоро исчезнет с вашего пути. Поэтому для вашего же блага советую не забивать себе голову ложными иллюзиями.

С этими словами он поднялся и направился к мирно пасущимся в стороне лошадям.

«Ложными иллюзиями?»

Принцесса не сдержала громкого фыркания ему вслед.

Неужели он решил, что он мог ее заинтересовать?

Да она не заинтересовалась бы им, даже если ее сердце не было занято!

При мыслях о неудавшемся женихе в душу хлынуло раскаяние – как давно она не вспоминала о нем, поглощенная своими собственными страхами! А вдруг сейчас ему плохо, вдруг ему сейчас даже тепло костра и вкус простой лепешки показались бы роскошью? Скорей, скорей бы отыскать его...

– Снова думаете о женихе? – сдержанный голос незаметно вернувшегося мужчины ворвался в мысли.

И как только Ниньи, и даже этому наемнику так легко удавалось угадывать, чему были посвящены ее думы? Неужели и впрямь все ее нехитрые размышления были написаны прямо на лице?

Во взгляде принцессы было столько досады, что мужчина не выдержал и снисходительно рассмеялся.

– Не догадаться было невозможно.

Он уселся напротив принцессы и протянул ей что-то небольшое.

Осторожно – чтобы не обжечься теплом костра – девушка протянула руку. Тонкая ветка, усыпанная ягодами, легла ей в ладонь.

– Это чернянка. В это время года обычно сложно отыскать созревшие плоды, но мне повезло.

Приятно удивленная, Эллери приняла неожиданный подарок, одарив собеседника благодарной улыбкой.

– Почему простой менестрель? – внезапно произнес мужчина, не отрывая глаз от огня. Словно этот вопрос он адресовал ярко горящему пламени, а не собеседнице. – Мне казалось, все девушки мечтают исключительно о принцах или же королях.

– Я никогда не мечтала о принце, – не согласилась Эллери, по одной отрывая сладкие ягоды и отправляя их в рот. – По-моему, все принцы глупы и тщеславны.

– Глупы? Возможно. Тщеславны – уж точно не все.

– Да что вы о них знаете? – снова не удержалась от фыркания девушка. – Разве так много принцев вы встречали на своем пути?

– Не так много, но мне с лихвой хватило и этих встреч. Больше не желаю таких знакомств.

– Обычно все как раз-таки жаждут именно таких знакомых, – задумчиво проговорила дочь короля. – Больше этого желания может быть лишь мечта оказаться на их месте.

– Менее всего на свете я хотел бы этого, – с неожиданной суровостью проговорил мужчина. Отблеск от костра так падал на задумчивое мужское лицо, что казалось, перед девушкой сейчас сидел не живой мужчина – идеальная скульптура, каменное творение рук талантливого мастера. Эллери невольно залюбовалась совершенными чертами, в очередной раз отмечая, насколько он был хорош собой. Непозволительно хорош – для наемника, конечно.

– Правда? Мало кто мог бы с тобой в этом согласиться. Роскошные наряды, красивые дамы, балы, маскарады, – опомнившись, начала перечислять принцесса. – Всех влекут эти неизменные атрибуты власти.

– Зависть, враги, интриги, – скушаяще продолжил за нее воин. – И бремя.

– О чем ты? – непонимающе нахмурилась девушка.

– Гнетущее бремя ответственности, – мрачно пояснил он. – Перед собой и своим народом.

– Никогда не думала об этом с такой стороны, – задумалась принцесса. – Так странно, но... Чем больше я размышляю над твоими словами, тем явственней вижу в них истину. Это эгоистично с моей стороны – не замечать этого раньше, – помолчав, добавила спустя минуту тишины.

– Это естественно. Так же, как, скажем, дышать. Поведение, образ мыслей, поступки – за вас все решило происхождение. И вы едва ли вольны выбирать себе судьбу.

– Но я именно сейчас это и делаю! – возразила королевская дочь. – Меняю свою жизнь, иду наперекор уготованной для меня жизни.

«И, надеюсь, что не ошибусь с выбором», – прибавила она про себя.

– Если бы только все люди были вольны... – задумчиво пробормотал он в такт ее мыслям, но думая о чем-то своем. Взгляд мужчины затуманила пелена размышлений – принцесса даже подалась вперед, пытаясь разглядеть в темных глазах замершего напротив воина искры синего цвета. Теперь, узнав, наконец, его истинный цвет глаз, девушка ничего не могла с собой поделать – она вновь и вновь ловила себя, что постоянно вглядывалась в лицо мужчины, желая снова утонуть в той пленяющей, яркой синеве.

– А разве тебе есть на что жаловаться? Кажется, что ты – один из самых свободных людей на свете, – с легким удивлением возразила Эллери, когда пауза затянулась.

Ее собеседник усмехнулся, но усмешка эта вышла невеселой.

– Порой в самые мрачные темницы мы заточаем себя сами. И кроются они вот здесь, – он постучал себя по лбу. – Если от стражников можно убежать, скрыться, то от собственных мыслей, – он качнул головой. – Никогда.

Она нахмурилась и медленно покачала головой, скопировав его движение.

– Ты точно самый странный из всех наемников, которых я когда-либо видела.

Он снова усмехнулся, но на сей раз вполне добродушно.

– Спите, миледи. А я буду сторожить ваш сон.

Она послушалась. И, несмотря на неудобную позу, несмотря на насекомых и тревожащие звуки леса, спала так крепко, как редко бывало прежде.

На следующий день наемник вновь был хмур и неразговорчив. Словно уже успел пожалеть о своей излишней словоохотливости, а, может, то было для него обыденным дневным состоянием. Как бы то ни было, Эллери молчаливо тряслась в седле, послушно следуя за гнедым жеребцом Бродяги, погруженная в раздумья.

Бродяга – как непривычно было называть его так. Пусть даже пока только мысленно. Принцесса не удержалась от соблазна попытаться представить, какое имя ему могло бы

подойти, – но сдалась после первых же попыток, с неудовольствием осознав, что ни одно подобранный имя не было к лицу этому воину.

Она думала, что ожидало ее впереди, – после воссоединения с Ниньи и Норком, конечно. В том, что эта встреча непременно произойдет, девушка даже не сомневалась. А вот что будет потом... Получится ли отыскать возлюбленного? Окажется ли, что ему действительно требуется помощь, или, быть может, он просто опомнился, решив, что поспешил?

За этими размышлениями принцесса чуть было не пропустила появившееся впереди небольшое строение – придорожную таверну, как, подъехав, Эллери смогла понять по кособокой вывеске.

Оставив лошадей, путники зашли в слабоосвещенное помещение и остановились на пороге, шурясь после яркого дневного света.

Эллери прикрыла глаза ладонью, как вдруг услышала обращенные к ней слова.

– Сейчас подыщем для вас комнату, а дальше я поеду один.

– Ты оставишь меня в таверне? Одну? – в первое мгновение даже не поверила она.

– А у вас есть предложение лучше? – он круто развернулся и впери в нее уставший взгляд. – Или вы передумали и уже хотите попасться в руки тем, от кого еще недавно так стремились убежать?

– Я не передумала, – она стушевалась не столько от его слов, сколько от тона, которым они были произнесены.

Их разговор был прерван посторонним шумом.

– Бродяга! – громкий голос, раздавшийся из дальнего угла комнаты, заставил собеседников, не сговариваясь, повернуться. – Ты ли это?

Высокий бородатый мужчина медленно поднялся с лавки, на суровом лице его расплылась неумелая улыбка; было заметно, что она была здесь нечастым гостем.

Спутник Эллери, однако, не спешил демонстрировать ответных чувств. На мгновение ей даже показалось, что он сейчас развернется и уйдет из зала, – но мужчина, мгновение колебавшись, все же шагнул навстречу незнакомцу. Который, очевидно, все же был ему знаком.

– Сколько лет, – вместо приветствия Бродяга ограничился кратким кивком, но его собеседника это нисколько не смутило.

– Давно ты не появлялся в здешних краях, – внимательно глядя в глаза, проговорил мужчина. – Мы пытались искать тебя, даже нашли твою сестру, но...

– Тсс, – перебил его наемник, выказывая явные признаки нервозности, что было так непохоже на его обычную невозмутимость. Оглядевшись, он продолжил, понизив голос: – Не здесь. И не сейчас.

– А когда? – упрямо возразил мужчина. – У нас уже не осталось времени, Бродяга. Ты нужен нам. Особенно теперь, когда появился реальный шанс что-то изменить, вернуть то, что должн...

– погоди, – наемник резко ухватил собеседника за плечо, останавливая того на полуслове. Девушка почувствовала почти физическое нежелание своего спутника выслушивать дальнейшие слова говорившего. Но незнакомец, сперва прервавшись, все же продолжил, твердо глядя прямо в глаза Бродяги: – Ты должен нам помочь. Не ради себя – ради тех, кто верит.

Воин стряхнул руку и без слов направился вперед. Эллери растерянно последовала за ним, не понимая, что хотел этот странный мужчина и чему были посвящены его загадочные слова.

Коротко переговорив с крепким юношей, являвшимся, по всей видимости, сыном хозяйина этого заведения, воин жестом показал следовать за ним. Комната оказалась не сильно просторной, но довольно чистой и опрятной. Как раз, чтобы переждать томительные часы в ожидании возвращения наемника вместе со слугами.

Насколько ему можно было доверять? Эллери украдкой смотрела на стоящего рядом мужчину и силилась понять – когда же он успел завоевать ее доверие настолько, что она действительно готова была ему верить?

Проводив наемника, Эллери, кажется, только на мгновение присела на узкую кровать – и в следующий миг ее захватил тяжелый, беспробудный сон, в котором она то убегала от незнакомца, одетого во все черное, то скакала на диком жеребце Бродяги по болотам, которым не было конца и края.

Проснувшись ближе к вечеру, девушка испытала облегчение. От того, что долгий сон наконец-то закончился, и также от того, что благодаря ему время ожидания сократилось. Принцесса не знала, когда следовало ждать своих спутников, но справедливо рассудила, что спускаться вниз ей не стоит, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

Не раз и не два при звуках торопливых шагов у нее екало сердце – но всякий раз тревога оказывалась ложной. Поэтому в очередной раз заслышав приближающихся постояльцев, принцесса даже не стала тешить себя напрасными надеждами. Как вдруг раздался тихий стук.

– Ниньи! – с опаской отворив дверь, девушка с облегчением приникла к плечу старой няни. Та крепко обняла воспитанницу, глядя морщинистой рукой рыжие кудри.

Позади женщины мелькнула долговязая фигура Норка – он мялся на пороге, не решаясь зайти.

Эллери высвободилась, наконец, из крепких объятий и подошла к мужчине, обняв и его.

Непривычный к столь явным проявлениям внимания, тот сперва окаменел от робости, но затем расслабился и радостно заулыбался.

– Я так рада видеть вас! – Эллери отступила на шаг назад, чтобы видеть сразу обоих слуг.

– Не пугай меня так больше, девочка, – заворчала Ниньи, не скрывая облегчения. – Я думала, что могу больше тебя и не увидеть.

– Как вас нашел Бродяга?

– Бродяга? – с легким удивлением переспросила старая женщина. – Ты теперь так его зовешь что ли? – В голосе мелькнуло легкое неодобрение.

– Он сам пожелал, чтобы я обращалась к нему так, – пожала плечами принцесса. – Так что с вами произошло? Неужели отцовские шавки все-таки сумели до вас добраться?

– Увы, – плечи няни поникли. – Каким-то образом они узнали карету. У меня плохие новости, Эллери, – король послал за тобой Керля. И он настроен решительно.

Принцесса распахнула глаза:

– Ты видела его? О Боже!

Взгляд няни был красноречивей слов.

– Уверена, после того, как мы с Норком сбежали у него из-под носа, да еще и с помощью какого-то незнакомца, он страшно зол. Он непременно будет искать нас, Эллери. Что ты планируешь делать дальше? Может, уже пора вернуться во дворец?

На морщинистом лице теплилось понимание и сочувствие – женщина не спрашивала, чем окончилась встреча в старой церкви; было понятно, что ей уже все известно. И принцесса была благодарна за избавление от необходимости рассказывать и заново переживать недавнюю неудачу.

– Переночуем здесь, а утром отправимся в путь.

За спинами слуг появилась знакомая высокая фигура. Во взгляде темных глаз мелькнуло неодобрение, едва последние слова донеслись до наемника.

– Снова? Может, уже хватит приключений? – с таким же неодобрением качнула головой няня.

– Я не могу так поступить. Я должна убедиться, что с Майином все в порядке, – сдержанно отозвалась девушка, старательно не встречаясь глазами с воином.

Няня не стала ничего говорить, но Эллери кожей чувствовала исходящее от нее сомнение.

– Мы отправимся к дяде, – решительно произнесла она, не давая своим собственным сомнениям возможности изменить уже принятое решение.

– Ты уверена?

– Да. Если кто и сможет мне помочь, то только он.

– Хорошо, девочка моя, я снова не стану тебе возражать или противиться. Но если и на этот раз ничего не выйдет, ты больше не станешь искушать судьбу и отправишься домой.

Эллери промолчала, и нянюшка подавила вздох, завидев в глазах воспитанницы прекрасно знакомый воинствующий огонь.

Следующий день начался строго по намеченному плану – рано позавтракав, странники двинулись в путь. Эллери с облегчением и некоторой долей сожаления распрощалась со своей лошадью, вернувшись в карету обратно к няне.

Солнце было в зените, когда на горизонте показались знакомые очертания высокой башни, и Эллери ощутила, как сковывавшее ее напряжение понемногу отпускает.

В детстве ей казалось, что в этой башне непременно заточена прекрасная принцесса в ожидании рыцаря, который придет и спасет ее. Почему-то даже в детских фантазиях благородный спаситель был лишен короны – не прекрасный принц, о котором так часто грезят девушки, а обязательно простой рыцарь. Откуда в ней взялась такая стойкая неприязнь к королевским отпрыскам, Эллери не знала, но подозревала, что тому виной послужили не самые удачные примеры, в изобилие встреченные на балах и пирах.

Правда, жизнь все равно внесла свои коррективы в детские мечты, – избранный ею юноша оказался не рыцарем, как то мечталось в детстве, а менестрелем. Прежде такое не мужественное занятие заставило бы принцессу пренебрежительное фыркнуть, но теперь... После встречи с Майином все изменилось.

Мысли о возлюбленном принесли горечь – в памяти по-прежнему остро всплывали картинка пустой церкви, и сколько бы ни пыталась девушка гнать от себя тягостные сомнения, полностью одолеть их не выходило.

Замок дядюшки всегда был для Эллери одним из любимейших мест, где она часто оставалась гостить. Эти стены стали немymi свидетелями немалых выходов растущей принцессы, здесь, в отличие от родного дворца, ее никогда не ругали и ничего не запрещали. Своих детей у дяди не было, и любимая племянница всегда была желанным гостем.

Поэтому девушка ничуть не удивилась, когда стражники у ворот, едва завидев катящуюся к ним карету, распахнули тяжелые створки, впуская экипаж и двух сопровождающих его всадников.

Не удивилась она и при виде странно опустевшего двора, обычно заполненного дворовой челядью. Лишь только несколько стражников застыли у высокого крыльца, внимательно наблюдая за покидающими карету женщинами.

– Вам не кажется, словно нас здесь заранее ожидали? – тихо произнес наемник, подавая руку Эллери.

Ступив на землю, девушка огляделась и с легкой долей неуверенности пожала плечами.

– Просто здесь меня всегда рады видеть.

Бродяга ничего не ответил, отступая назад.

Норк поддерживал под руку Ниньи, помогая той идти, ну а Эллери торопилась скорее оказаться внутри.

Отворились широкие двери, в лицо путешественникам пахло сыростью и множеством других запахов; десятки голосов на миг оглушили и заставили замереть на пороге.

Просторный зал был полон. Но все разговоры и шум стихли при появлении тонкой девичьей фигурки.

– Дядюшка! – принцесса радостно бросилась к высокому чернобровому мужчине, застывшему в окружении слуг.

Толпа расступилась, пропуская девушку в центр.

Она успела заметить непривычно хмурое выражение лица, прежде чем утонула в знакомых родных объятиях.

Отстранившись, Эллери наконец-то взгляделась в знакомое лицо, недоуменно отмечая плотно сжатые губы и тень вины, скрывавшуюся в глубине светлых глаз.

Она отступила на шаг назад, но прежде чем вопрос сорвался с ее губ, позади раздался такой знакомый – и такой ненавистный – голос...

– Давно не виделись, Эллери.

Испуганно обернувшись, она натолкнулась на острый недобрый взгляд черных глаз. Их обладатель не потрудился стереть с узкого лица откровенную ухмылку, подходя ближе

Все еще отказываясь верить в происходящее, принцесса растерянно огляделась. И с упавшим сердцем осознала, что окружена. Те люди, которых она ошибочно посчитала за слуг дядюшки, на деле оказались воинами ее отца. Она невольно попятилась, когда взгляд зацепился за острые луки в руках трех мужчин, замерших с непроницаемым выражением лиц. Печально знаменитые черные стрелы, чьи наконечники были пропитаны редким ядом. Эллери не понаслышке была знакома с его действием.

Керль – так звался главный отцовский поверенный во всех щекотливых делах, требовавших особого внимания, – с откровенным злорадством окинул взглядом съежившуюся принцессу, не скрывая мрачного удовлетворения.

– Так, так, маленькая беглянка. Вот ты и попалась, – растягивая слова, с холодной улыбкой пробормотал он. – Запереть ее, – без лишних слов мужчина отдал приказ стоящим вокруг воинам.

– Подождите, – попытался остановить его дядя, но никто не стал его слушать.

Уператься было бесполезно – принцесса неоднократно проверяла это на собственном опыте. Она не сразу поняла, куда ее тащат. А вот когда осознала, что ее ведут напрямиком в башню, горько усмехнулась.

Какая тонкая ирония! Быть заточенной в той самой башне, на которую она еще так недавно смотрела с надеждой! Примерить роль прекрасной принцессы, ожидающей спасения. Вот только помощи ждать было неоткуда.

Эллери нервно мерила шагами небольшое помещение и мысленно корила себя на все лады. Как она могла оказаться такой наивной! Угодить прямо в расставленную отцом ловушку и до последнего не заметить этого!

А теперь... Девушка с тоской обвела взглядом скромную обстановку комнаты: старую кровать, колченогий стул и стол, – ничего, что могло бы помочь ей сбежать. Да и куда, собственно говоря... Она подошла к узкому окну и выглянула. Расстояние до земли казалось невыносимым – принцесса отступила назад, испугавшись, что от увиденного закружится голова, и она потеряет равновесие.

Сколько времени прошло – она не знала. Лишь с молчаливой тоской наблюдала за солнечным шаром, неторопливо шествующим по небосклону, да прислушивалась к звукам, доносящимся со двора. Навязанное ожидание тяготило сильнее всего, пусть Эллери и понимала, что возвращение к отцу положит конец всем ее надеждам.

Ближе к вечеру безмолвная служанка принесла ужин. Оставив заставленный всякой снедью поднос на столе, она торопливо удалилась, не забыв плотно задвинуть за собой засов.

Принцесса почти не притронулась к пище, гадая, чем вызвано промедление, – вроде бы цель достигнута, беглянка попала в расставленные сети – чего же еще ждать?

Беспокойный сон не принес облегчения. Всю ночь девушка ворочалась на неудобной кровати, вздыхала, просыпалась и вновь проваливалась в тревожное забытие

Неудивительно, что когда ранним утром снаружи раздался невнятный шум, принцесса сразу же пробудилась и настороженно прислушалась к звуку приближающихся шагов.

Кто бы мог так уверенно подниматься к ней столь рано?

Прогрохотал тяжелый засов, проскрипели несмазанные петли – и дверь отворилась, являя опасливому взору девушки закутанную в плащ фигуру.

Ниньи!

Принцесса слетела с кровати, радостно вглядываясь в знакомое лицо.

– Как ты? – торопливые слова слетали с губ. – Я боялась, что он может тебя обидеть.

Старая женщина презрительно изогнула губы.

– Я знала еще его бабушку. Посмел бы он поднять на меня руку.

Затем, опомнившись, приблизила лицо к Эллери и зашептала:

– Сейчас как раз меняются стражники, внизу стоит Норк, занимает их болтовней, ты спустишься вниз вместо меня, а я останусь здесь.

– Но как же ты? – растерялась принцесса.

– Накинешь мой плащ, под него набросишь на плечи одеяло – чтобы выглядеть толще. Сгорбишься да не будешь выглядывать из-под капюшона. Они не будут заглядывать тебе в лицо, так что если ты себя чем-нибудь неосторожно не выдашь, все получится. А дальше Норк тебе поможет, – точно не слыша ее вопроса, продолжала говорить няня.

– Ниньи, если Керль найдет вместо меня тут тебя... Боюсь, как бы в порыве злости он не сделал ничего дурного. Я не могу так с тобой поступить.

– Не волнуйся за меня, – уверенно покачала головой Ниньи. – Я не настолько беспомощна, как тебе кажется.

Бросив быстрый взгляд на окно, женщина поторопила воспитанницу.

– Поспеши!

Девушка уже взялась за ручку двери, когда невысказанный вопрос сорвался с губ.

– Ниньи, – со слезами благодарности на глазах принцесса взглянула на свою спасительницу. – Почему ты это делаешь? Ты ведь не веришь в меня и Майина, ведь так?

Старая женщина улыбнулась.

– Я просто хочу видеть тебя счастливой, девочка. А в отцовском дворце счастья тебе точно не найти.

Принцесса проглотила застывший в горле ком.

– Я люблю тебя, Ниньи, ты знаешь это?

– Конечно, – нарочито сварливо отозвалась женщина, стараясь скрыть растроганный взгляд. – Беги скорее, Норк не сможет долго ждать тебя.

Пыльная лестница на этот раз показалось совсем короткой: всего несколько ударов сердца – и вот впереди замаячил тусклый свет надвигающегося рассвета. На последних ступенях девушка остановилась, сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и, надвинув глубже капюшон, вышла наружу, стараясь соответствовать медлительной походке няни.

Стоящие на карауле стражники окинули ее расслабленным взглядом, не заподозрив подмены. Ожидающий рядом с ними Норк подскочил к принцессе и бережно подхватил ее под руку, как обычно поддерживал Ниньи.

Как же сложно было заставлять себя неторопливо перебирать ногами, подражая мелким шажкам Ниньи, зная, что в любую секунду в спину может полететь грозный окрик стражников!

И только когда угол кузницы скрыл их фигуры от взглядов возможных преследователей, девушка позволила себе расслабиться.

– Сейчас я отведу вас к конюшням, – зашептал Норк, оглядываясь по сторонам.

– А где Бродяга?

– Там-то его и заперли.

– Где? – переспросила она, решив, что ослышалась.

Он правильно истолковал ее тон.

– Поначалу они вообще не собирались его оставлять – подумаешь, простой наемник, которому приплатили за работу. Но вечно подозревающий Керль захотел о чем-то с ним побеседовать, поэтому было приказано запереть его на конюшне. Слово какого-то простого провинившегося служку.

Принцесса поежилась.

– Представляю, в каком он сейчас настроении.

– Я виделся с ним ночью, – пожал плечами мужчина. – Вместе мы и продумали этот план.

– Вместе? – удивилась Эллери. – Я думала, все придумала Ниньи.

– Ей я все рассказал уже после беседы с Бродягой. Не знаю, о чем они беседовали с Керлем, вот только после этого разговора подозрений у того явно не убавилось, коли они так и не решились его отпустить. Потому Бродяга и предложил, по его выражению, ускорить события.

– Он мог так сказать, – не сдержав легкой улыбки, согласилась девушка. – Погоди! А как нам покинуть замок? Стражники на воротах при виде меня сразу же поднимут тревогу.

– Конюхи спят беспробудным сном, я проверил. Бродяга выведет лошадей, я отвлеку внимание стражников, а вы в этот момент проскользнете через небольшую дверь рядом с главными воротами.

– А что будет с вами? С тобой, с Ниньи? Я не хочу, чтобы вы опять страдали по моей вине.

– Да что они могут нам сделать? – добродушно улыбнулся мужчина. – Запрут опять где-нибудь, ну, может, врежут мне пару разочков – да на мне все заживает, как на собаке!

Эллери закусила губу от волнения.

– Не переживайте вы так! – видя ее нерешительность, подбодрил Норк. – Лучше скорее уходите, пока не взошло солнце.

– Спасибо, – она шепнула ему одними губами, будучи не в силах выразить всеобъемлющее чувство любви и благодарности к этим двум людям, которые столько для нее делали.

Возле конюшни их уже ожидал нахмуренный наемник – на лице его наливались синевой яркие следы недавней беседы с королевским слугой. Эллери в очередной раз за это утро испытала раскаяние при виде синяков, разукрасивших красивое мужское лицо.

С Норком они обменялись напоследок крепким рукопожатием, принцессе воин ничего не сказал, но напряженный взгляд не сулил ей ничего хорошего.

Как было условлено, Эллери и Бродяга, ведя под узды двух лошадей, направились к большой хозяйственной постройке, намереваясь дожидаться сигнала.

Но здесь в продуманный план вмешались сторонние силы.

– Держите принцессу! Она убегает! – чей-то голос позади них завопил, что есть мочи.

Норк не растерялся – живо сообразив, что дела плохи, он побежал в противоположную сторону, активно размахивая руками стражникам:

– Она здесь, здесь! Скорее, ловите ее!

Глухой топот ног свидетельствовал, что его обман удался. Но двор, точно разбуженный пес, уже начал оживать – появились заспанные слуги, распахнулись двери, в конюшне заржали встревоженные лошади. Конь в руках Эллери вдруг встрепенулся, ответив на зов громким ржанием. Испугавшись, она на мгновение ослабила поводья, – и животное, этим воспользовавшись, вдруг дернулось и резко вырвалось на свободу, стремительно направляясь к призывным голосам собратьев.

– Да оставьте вы его! – с досадой проговорил наемник, завидев безотчетное движение девушки броситься за ним.

Поняв, что медлить нельзя, беглецы побежали прямо к воротам, уже не таясь. Но на пути к заветной двери появилось новое препятствие в лице оставшегося на страже воина, который сейчас с угрюмым видом надвигался прямо на них.

Девушка с ужасом начала тормозить, в то время как наемник, напротив, ускорившись, на полном ходу влетел в стражника, припечатывая его к стене. Завязалась борьба, зазвучали глухие звуки ударов – Элери отвернулась, чтобы не видеть этого зрелища. А позади уже раздалась громкие крики:

– Они у ворот!

Стремительно обернувшись, принцесса увидела толпу бегущих стражников. Одновременно с этим послышался глухой скрип отворяемых створок – это одержавший верх над противником наемник не терял времени даром.

Она подбежала к нему, остановившись у оседланного коня. Одного на двоих.

– Быстрее! – Бродяга прорычал ей, напряженно наблюдая за приближающимися преследователями.

Девушка буквально влетела в седло – не без помощи крепких рук, подтолкнувших ее.

От неожиданности принцесса глухо охнула, а в следующий миг почувствовала, как наемник запрыгнул сзади нее и с силой хлопнул животное по крупу.

Конь устремился прямо в раскрытый проем, голоса за спиной слились в неразборчивый гул, а девушка не испытывала ничего – ни страха, ни триумфа, потому что единственным четким ощущением в этот момент было прикосновение сильных мужских рук к ее талии.

Конечно, она понимала, что иначе ему нельзя было удержаться, – но никто никогда не смел прикасаться к ней так. Ах, сколько уже этих самых «никогда» довелось нарушить наемнику всего за несколько дней их знакомства!

За спиной вдруг раздался глухой стон, резкая судорога, которую она почувствовала всем своим телом. А затем где-то позади них раздался приглушенный ветром крик:

– Не стрелять! Вы можете попасть в принцессу!

С трудом удерживаясь на коне, Элери позволяла животному самому выбирать путь, боясь лишний раз пошевелиться. Лишь бы как можно дальше оказаться от замка дяди, от слуг отца, которые непременно пустятся в погоню!

Она ждала, что Бродяга вот-вот прокричит ей сквозь завывающий ветер, прикажет остановиться или подскажет направление, – но он молчал, и лишь руки, крепко обхватывающие ее за талию и удерживающие на месте, да ощущение сильного, живого тела за спиной – вот все, что она сейчас чувствовала.

Только спустя некоторое время – даже под страхом смерти королевская дочь не сумела бы сейчас сказать, прошли минуты или часы, – конь сам перешел на быстрый шаг, а затем и вовсе остановился в сени тихой зеленой рощи.

Принцесса замерла, прислушиваясь – не раздадутся ли позади топот копыт или звук голосов? Но все было тихо.

Элери надеялась, что наемник спрыгнет первым и поможет ей спешиться, потому что самостоятельно проделать это ей не представлялось возможным. После нещадной тряски и столь долгого нахождения в неудобном положении тело девушки – а особенно его нижняя часть! – ныло и категорически возражало против одной только мысли о любом движении.

Однако мужчина продолжал сидеть, по-прежнему навалившись на нее сзади. Принцесса попыталась, было, заговорить с ним, заставить его отозваться, но воин все так же хранил молчание. Ну не мог же он, в самом деле, заснуть?

Ей все-таки пришлось спускаться самой. Сделать это было непросто – мало того, что каждое движение вызывало острую боль, так еще и тяжелое мужское тело сзади не способствовало скорости. Наконец, девушке удалось, с трудом придерживаясь за взмокшую шею коня, скользнуть вниз и приземлиться на землю, даже удержавшись на затекших ногах.

Вот только чего Элери не ожидала, так это того, что, лишившись опоры, тело наемника начало неуклонно соскальзывать с гладких боков смирно стоящего животного. Все еще пребывая в потрясении, принцесса ринулась вперед, попытавшись замедлить падение.

Бродяга оказался тяжелым.

Приглушенно охнув от этого открытия, девушка обхватила обеими руками торс мужчины и, как могла, медленно уложила его на траву, с непонимающей тревогой вглядываясь в бледное лицо воина.

Но когда она перевела взгляд ниже, причина его беспомощного состояния тут же стала ясна.

На плече мужчины расплзлось мокрое темное пятно, в центре которого возвышалось древко столь хорошо знакомой черной стрелы.

Глава 4. Наедине

Зло дремлет в ожидании случайного путника, который окажется столь несчастлив забрести в эти гиблые земли.

Но если даже кто и окажется здесь, есть простые правила, которые могут помочь избежать верной гибели. Нельзя задерживаться долго на одном месте, нельзя пить, есть что-либо, произрастающее в этих местах. Необходимо избегать тумана, и, особенно важно, – любой ценой избегать здешней воды.

И никогда – под страхом смерти! – ничего нельзя уносить с собой. Или же оставлять здесь.

(отрывок из «Записки старого Боэля. Том четвертый»)

На бледном лице воина не было ни кровинки, лоб покрывала мелкая испарина. Вне всякого сомнения, сейчас он был без сознания и едва ли мог чувствовать боль от резкого соприкосновения с твердой поверхностью.

Принцесса боязливым движением коснулась мужского плеча, набираясь решимости. Не на кого было сейчас надеяться, и от осознания собственной беспомощности девушку лихорадило.

Аккуратно отодвинув край порванной ткани, Элери изучила рану, из которой торчало древко с темным оперением. При мысли о том, что ей предстояло сейчас сделать, принцессу замутило, но она постаралась выкинуть из головы все лишнее и сосредоточилась на основной задаче.

Первым делом она завела коня вглубь чащи и замерла, прислушиваясь. Как учила ее когда-то Ниньи, поначалу самым важным было отыскать источник воды, и сейчас это могло стать настоящей проблемой.

Сквозь тихую песнь леса и утренние трели птиц сложно было расслышать журчание ручья, поэтому Элери пришлось углубиться в чащу, постоянно оглядываясь на недвижимое тело Бродяги. Отчего-то упускать его из виду – пусть даже на каких-то пару минут – казалось преступлением.

Ей повезло – пройдя совсем немного, принцесса услышала такой заветный слабый звук. Ноги сами вывели её к небольшому ручейку, весело пересекающему утопающую в зелени поляну.

С наслаждением окунув в него руки, принцесса брызнула себе в лицо полную пригоршню воды. Оторвав от нижней юбки несколько широких полос ткани, девушка тщательно прополоскала их в ручье, складывая в аккуратные квадраты.

Дольше оттягивать возвращение было нельзя. Собрав волю в кулак, принцесса вернулась к мужчине, с беспокойством отмечая первые признаки действия яда.

Холодная ткань легла на лоб мужчине – Элери знала, что вскоре его тело зайдется в горячке. И это значило, что у нее оставалось не слишком много времени до момента, когда он придет в себя, и боль от всех ее действий обрушится на него. Поэтому все, что она должна была сделать, следовало начать прямо сейчас.

Набрав полные легкие воздуха, точно перед погружением на самое дно, Элери осторожно разрежала тугую ткань и отодвинула лоскуты в сторону, освобождая место ранения. Затем, на мгновение закрыв глаза и вознеся короткую молитву, взялась за темное древко и с силой надавила, ломая дерево. Раздавшийся короткий хруст отозвался неприятной вибрацией во всех уголках ее собственного тела.

Она откинула в сторону остатки стрелы с оперением, что послушно лежали в ее руках, и сосредоточилась на обломанном куске дерева, торчащим из разворошенной алой плоти воина. Струйки крови стекали по плечу, орошая зеленую траву.

Мужчина не пошевелился, не издал ни единого звука. Следовало спешить, пока он не пришел в себя, – и Эллери благодарила небеса за милосердие, потому что проделать все это, слыша его стоны, она бы просто не сумела.

С тоской вспомнив теплые натруженные ладони няни, исцелявшие боль, казалось, одним своим прикосновением, Эллери приступила к самой пугающей части.

Влажной тканью промокнув кровоточащую плоть, девушка нащупала оставшееся древко и с осторожностью наклонила стрелу так, чтобы наконечник находился как можно ближе к поверхности тела воина. От напряжения принцесса взмокла, сердце колотилось так часто, что стук его перебивал все звуки окружающего леса. Даже если бы сейчас здесь появились недавние преследователи, она бы просто их не услышала, поглощенная неизбежным приближением решающего момента.

И вот миг, которого она так боялась, настал.

Держась за древко, Эллери, на мгновении закрыв глаза, с силой толкнула стрелу по направлению ее хода. С противным чавкающим звуком наконечник вспорол кожу, выходя с обратной стороны плеча. Убедившись, что он почти целиком покинул рану, девушка ухватила его пальцами и вытянула на поверхность, одновременно борясь с накатившей дурнотой при виде разворошенной плоти, залитой кровью.

Вот и все.

Рану следовало бы еще прижечь раскаленным железом и замазать воском, но сделать это девушка все равно не смогла бы, даже будь у нее под рукой необходимые инструменты.

Руки дрожали, воздуха не хватало, рваное платье все было испачкано бурыми пятнами, глаза застилала непролитая пелена слез. Медленным движением она вытерла липкие от чужой крови пальцы, стараясь не смотреть на зияющую рану.

Без всякого сожаления принцесса попрощалась с нижней юбкой – и тут же располосовала ее на повязки. Туго перебинтовала плечо Бродяги – и, обессилено привалившись к шершавому стволу дерева, принялась ждать.

Первые звуки пробуждения раздалась через несколько часов, когда солнце стояло высоко в зените. Глухой стон, который Эллери поначалу приняла за скрип старого дерева, повторился спустя несколько мгновений.

Подскочив на месте, она дернулась в сторону раненого, с беспокойством вглядываясь в бледное лицо.

Мужчина с трудом открыл глаза. Сухие губы попытались исторгнуть какой-то звук, но не смогли. Эллери провела чистой влажной тканью по лицу мужчины, выжимая на него капли воды.

Бродяга снова что-то попытался произнести, но она не смогла разобраться слов.

– Повтори! – королевская дочь с трудом подавила отчаянное желание обеими руками вцепиться в мужчину, затормозить, привести в себя. Только страх за раненое плечо спутника остановил ее от этого. С паникой вглядываясь в обескровленное лицо с выступившей на нем испариной, она повторила:

– Что, что ты сказал?

– Я же говорил, – с усилием прохрипел воин, сглатывая. – Что из твоей затеи с поиском жениха не выйдет ничего путного для меня.

Слабая тень улыбки мелькнула на бледных губах, и от охватившего ее столь всеобъемлющего облегчения принцесса оставила без внимания непривычное обращение.

– Дурак! – она смахнула рукой выступившие слезы. – Как ты себя чувствуешь?

– Руку жжет огнем, – с гримасой боли шепнул он.

– Так и должно быть, – принцесса согласно кивнула. – Спустя несколько минут она заледенеет, затем снова начнется жар. А потом ты вновь потеряешь сознание.

– И сколько я буду в таком состоянии? – облизав капли воды на губах, хрипло проговорила она.

– Не могу сказать точно, – виновато проговорила она, вновь смачивая его лицо влажной тканью. – Знаю лишь, что пару дней ты точно не сможешь стоять на ногах.

Оглядевшись. Эллери проговорила с беспокойством:

– Вот только устроить бы тебя поудобнее.

Бродяга попытался принять сидячее положение, но боль в раненой руке оказалась слишком сильна, – мужчина замер, воздух с хрипом вырвался сквозь стиснутые зубы. Эллери хотела, было, возразить, помешать ему двигаться, однако наемник одним взглядом остановил ее от любых попыток вмешаться.

Несмотря на то, что передвижение потребовало немало сил, ни единый стон не сорвался с губ воина. И только достигнув цели и восстановив сбившееся дыхание, мужчина продолжил расспросы:

– Как далеко мы отъехали от замка? Нет, лучше так – сколько времени это заняло? – поправил он себя.

– Примерно час. Может больше, может меньше, – Эллери растерянно пожала плечами.

– Полагаю, нет смысла уточнять направление? – от тона произносимых слов девушка почувствовала себя виноватой.

Она качнула головой, не встречаясь с ним взглядом.

– В таком случае... – он задумался. – Раз нас до сих пор не настигла погоня, значит, все-таки удалось от них оторваться. Не так далеко от замка вашего дяди есть надежное место, где мы могли бы провести некоторое время – пока я не оправлюсь. Осталось понять, удалились мы от него или же приблизились.

– Сейчас тебе нельзя снова ехать, – быстро проговорила Эллери. – Рана может открыться.

Про возможное заражение крови, что было нередким спутником подобных ранений, она даже не стала упоминать, боясь накликать беду.

– Но и оставаться здесь нельзя, – справедливо возразил он. – Предлагаю компромисс: как только мне станет лучше настолько, что я смогу держаться в седле, мы покинем это место.

И вновь в его взгляде читалось молчаливое предупреждение, вняв которому, Эллери не стала спорить, полагая, что улучшение наступит нескоро.

Как она и предсказывала, спустя короткий промежуток времени Бродяга вновь потерял сознание.

Принцесса придвинулась ближе и присела рядом с ним – так, чтобы тело мужчины опиралось на нее. Его голова устроилась на ее плече, и девушка мимолетно улыбнулась этому, представив реакцию кого-либо из напыщенных придворных дам при виде этой картины. И позволила себе закрыть глаза.

Мужчина пришел в себя первым. Эллери ощутила сквозь сон, как тело воина напряглось, тяжесть от его головы исчезла с ее плеч – и девушка проснулась.

Губы воина были плотно сжаты, в темных глазах назревала буря – очевидно, Бродяге тяжело было примириться с собственной немощностью. Но мертвенная бледность с лица ушла, похоже, ему и впрямь становилось лучше.

Все попытки Эллери уговорить наемника остаться здесь хотя бы еще немного, потерпели крах.

В итоге мужчина заставил коня опустить тело на землю – девушка широко открытыми глазами наблюдала, как умное животное, послушавшись команды, послушно припало на колени, перенесло вес на задние ноги и, наконец, медленно легло на бок, позволив всадникам без труда взобраться на себя.

Бразды правления вновь достались принцессе – но на сей раз дорогу воин выбирал сам. Всем телом навалившись на принцессу, на ухо он ей шептал указания, куда повернуть, а где остановиться, чтобы осмотреться. Из-за раненого Бродяги они могли двигаться лишь спокойным шагом, не позволяя лошади переходить на привычный бег. И на протяжении всего пути девушка терялась в догадках, каким образом наемнику удавалось находить какие-то только ему одному известные ориентиры в таком, казалось, однообразном пейзаже вокруг.

На этот раз прикосновение его руки не вызывало столь ярких эмоций, как в первый раз. Сейчас Эллери куда больше волновало его здоровье, чем собственные необъяснимые ощущения в ответ на его близость.

Беспошадное солнце щедро разливало лучи на едущих куда-то в неизвестность всадников, и принцессе становилось все сложнее удерживать поводья. Как себя ощущал раненый наемник, девушка боялась даже представить. Только шепот у ее головы и ощущение тяжести свидетельствовали, что он все еще оставался в сознании.

Они проехали под густыми арками склонившихся крон деревьев, миновали огромное количество троп и развилок, прежде чем после очередного поворота перед уставшим девичьим взором, наконец, предстал деревянный дом.

Если бы не Бродяга, ей бы никогда не удалось обнаружить это место – настолько замысловатая дорога вела к нему!

Небольшой и довольно уютный на вид, он смотрел на путников единственным окном, сбоку виднелась дверь и ведущая к ней заросшая тропинка. Не вился дым из трубы, никто не торопился встречать усталых путников – Эллери предположила, что здесь никто не живет.

Однако изнутри дом выглядел вполне обжитым. В умывальнике была вода, в углу рядом с камином громоздилась стопка дров, на столе у окна лежали книги. У задней стены располагалась кровать, застеленная несколькими выделанными шкурами, напротив нее высились полки, под ними стояла пара массивных сундуков. Словно по заказу в дальнем конце комнаты располагалась скамья с наброшенными поверх нее шкурами.

Пока принцесса с любопытством оглядывалась, мужчина дошел до кровати и тяжело опустился, закрывая глаза.

Эллери одного взгляда хватило, чтобы понять, что ему вновь становится хуже. Грудная клетка воина часто вздымалась, на лбу выступила испарина, лицо побелело.

– Надо снять одежду, – обеспокоенно проговорила она, подойдя к нему и приложив ладонь к горячему лбу. – И сменить повязку.

Он с трудом приоткрыл глаза – в мутном взгляде его читалась усталость и боль. Не прекословя, мужчина позволил ей стянуть рукав со здоровой руки, медленно вытянуть подол из-под спины и аккуратно освободить больную руку.

Эллери один за другим стянула с него сапоги, и огляделась, пытаясь отыскать необходимые сейчас предметы.

– Вода есть в ведрах у двери, – хрипло проговорил мужчина, угадав ход ее мыслей. – Чистое полотно – где-то на полках.

Вооружившись тканью, девушка вновь присела у кровати, с осторожностью снимая окровавленную повязку.

Как принцесса и опасалась, кожа вокруг раны выглядела красной и воспаленной.

Пока она невесомыми движениями вытирала кровавые разводы, дыхание лежащего перед ней мужчины выровнялось, глаза закрылись. И если бы не подрагивающие во сне веки, Эллери решила бы, что он вновь провалился в беспамятство.

Пользуясь моментом, королевская дочь медленно провела влажной тканью по обнаженной шее, мгновение помедлив, прежде чем коснуться груди. Если бы воин находился в сознании, она бы никогда не посмела продолжить. Но пока Бродяга спал...

Влажная ткань мягко путешествовала по голой коже, и любопытствующий взгляд девушки следовал за ней. Как странно было так близко находиться с обнаженным мужчиной – пусть его нагота и была всего лишь по пояс! Широкая грудная клетка, вздымающаяся в такт дыханию, поросль волос, уходящих куда-то вниз, за пояс брюк, небольшие темные соски, коснуться которых – пусть даже тканью – она так и не решилась, – все это зрелище вызвало в сердце Эллери небывалое прежде смятение.

Запутавшись в захлестнувших ее чувствах, принцесса накрыла спящего мужчину, и – коли хозяин в силу ряда причин не мог ей устроить экскурсию – решила осмотреть комнату самостоятельно. Она просто не могла устоять соблазну пристально разглядеть каждый предмет, каждую вещь в этом странном и непривычном месте.

Чем дольше дочь короля находилась в этом доме, тем сильнее он ей начинал нравиться. Обстановка не шла ни в какое сравнение с роскошью дворцового убранства, но отчего-то именно здесь Эллери наконец-то ощутила себя в безопасности. Вне назойливого окружения придворных, без постоянного ощущения на себе десятка завистливых взглядов, без привычного вечного шепотка за спиной. Было заметно, что, кто бы ни обставлял помещение, делал он это, прежде всего, для своего удобства, а не за тем, чтобы пусть пыль в глаза окружающим или поразить случайных гостей дорогой мебелью и безделушками.

Выйдя за дверь, принцесса заворуженно огляделась. Ей даже показалось, словно она очутилась в каком-то другом мире, – мире без погонь и преследователей, без вязких болот и отравленных стрел, в мире, где любимый человек никогда бы не смог ее предать. Вокруг радостно пели птицы, которым неведома была печаль на сердце, ласковое солнце золотило сочную зелень, заросшая тропинка под ногами приветливо звала отправиться с ней куда-то вперед, под сень величественной чащи, что призывно шелестела листвой.

Эллери шагнула вперед, раскинула руки навстречу теплому ветру, который не преминул тотчас же встрепать небрежно заправленную за ухо рыжеватую прядь, – и на несколько мгновений позабыла все свои тревоги, растворившись в окружающем ее великолепии.

Проведя в этом состоянии покоя и гармонии несколько прекрасных минут, девушка расседлала уставшего коня и пустила его пастись возле дома, после чего с легким сожалением вернулась в дом, чтобы убедиться, что сон наемника по-прежнему крепок. И почти сразу же по возвращении желудок девушки решил недвусмысленно напомнить о своем существовании, а также намекнуть, что ему, отличие от своей хозяйки, одного любования природой для поддержания жизнедеятельности было явно недостаточно.

Вняв его настойчивому гласу, Эллери спохватилась, что в последний раз действительно ела давно, и попыталась отыскать что-нибудь съедобное.

Вспомнив, что во время импровизированного знакомства с домом в миске на столе она встречала жесткие плоские лепешки, похожие на те, что пекла служанка для дворовой детворы, принцесса решила рискнуть. Конечно, это блюдо не могло идти в сравнение с тем, что каждый день она ела во время дворцовых трапез, но сейчас слегка зачерствевшие лепешки показались ей божественно вкусными.

Остаток этого во всех смыслах непростого дня закончился быстро – стоило девушке только прилечь на мягкие шкуры и закрыть глаза, как она провалилась в сон. И пришла в себя только на пороге нового дня, когда настойчивые лучи солнца нахально облюбовали себе место на ее лице.

Первым делом она посмотрела на Бродягу и, встретив ясный взгляд, с облегчением поняла, что ему стало лучше.

Заметив, что мужчина попытался встать, опираясь на локти, Эллери поспешила его остановить.

– Еще может быть рано.

Он изучающе взглянул на Эллери. Медленно перевел взгляд на укрывавшую его шкуру, на оголенную грудь, выглядывающую из-под плотного полотна, на обнаженные плечи, прислушался к своим ощущениям. И вновь поднял глаза на покрасневшее лицо девушки, во время импровизированного осмотра старающуюся смотреть куда угодно, но только не на воина.

– Вы раздели меня? – с оттенком недоверия произнес он.

– Ты сам помог мне это сделать, – скромно напомнила она, слегка покривив душой.

Не стоило ему знать, сколь на самом деле был ничтожен его вклад.

Мужчина промолчал, и она была за это ему благодарна.

– Как твое самочувствие? – нарочито бодрым голосом начала девушка,

Бродяга вновь прислушался к себе.

– Ощуаю себя крайне странно, – наконец, медленно проговорил он.

– Почему? – моментально встревожилась Эллери. – Что-то еще беспокоит, кроме руки?

Где болит?

– Ничего не болит, – в его взгляде плескалась несвоевременная сейчас задумчивость. – Странно от того, что миледи носится со мной, словно насадка вокруг выводка цыплят. Я не удивлюсь, если вы еще и молитвы надо мной читали, пока я был без сознания.

Эллери изо всех сил постаралась скрыть досаду – ну как он только смог догадаться об этом?

– Вот что, – она постаралась придать голосу небрежность. – Полагаю, что после всего, что с нами произошло, теперь ты уже можешь обходиться без титулов, обращаясь ко мне.

– А что с нами еще произошло? – Бродяга выглядел заинтересованным. – Есть еще что-то, что я упустил, будучи в беспамятстве?

Она поборолa в себе желание отвесить ему хорошую затрещину.

Словно почувствовав ее состояние, наемник проговорил другим тоном:

– Хорошо, как пожелаешь. Принцесса, – добавил он, и она с упавшим сердцем поняла, что выкрикнутое им в спину обращение не прошло мимо его ушей.

– Надеюсь, это открытие не заставило тебя ни о чем пожалеть, – тихо произнесла королевская дочь, внимательно наблюдая за ним.

Он слабо качнул головой.

– Я давно уже догадался.

– Полагаю, нет смысла спрашивать, как? – недоверчиво спросила собеседница.

– Я не выдаю профессиональных секретов, – мужчина вновь качнул головой с нарочито важным видом, и девушка не сдержалась и хихикнула.

Нахмурившийся взгляд наемника красноречиво свидетельствовал, что он счел ее поступок насмешкой над его видом. И тут Эллери наконец-то открыто рассмеялась, выплескивая накопившиеся за эти дни напряжение.

Воин поначалу хотел что-то сказать, возмутиться, но при звуке радостного звонкого смеха, рассыпавшегося по комнате точно солнечные бусины, при виде смеющихся глаз девушки, сам не зная почему, вдруг сдержался. Легкая улыбка тронула полные мужские губы, и при виде этого зрелища Эллери вдруг почувствовала, словно в разделяющей их стене рухнул первый камушек.

Тот день принцессе запомнился надолго.

Солнце уже начало клониться к горизонту, когда утомленная Эллери наполнила твердыми комьями каши деревянную миску и поднесла к сидящему на кровати наемнику.

– Это первое блюдо, которое я когда-либо готовила в своей жизни, – горделиво похвасталась она.

Он с задумчивым видом оглядел предложенное ему яство, осторожно отломил крохотный кусочек и с заметной опаской отправил его в рот.

– Ну как?

Мужчина прожевал, прислушался к своим ощущениям и только потом проглотил.

– Довольно сносно.

– И это все? – оскорбилась Эллери.

– За исключением того, что ты забыла добавить соль, хотя я и напоминал тебе об этом несколько раз, – есть можно.

Вместо того чтобы возмутиться этой сомнительной похвалой, девушка вдруг вспыхнула смущением и неожиданно промолчала.

Она вспомнила, как утром этого дня попыталась накормить мужчину неуклюжим подобием на снадобье, о котором слышала когда-то от Ниньи. Вооружившись смутными воспоминаниями о картинке, встреченной в старой лекарской книге, она зашла в чащу перед домом и принялась искать растение, которое ей тогда показывала няня. Спустя час хождения по лесу поиски, наконец, увенчались успехом. Нарвав полную охапку продолговатых душистых листьев, девушка вернулась в дом, окрыленная находкой. Тщательно размельчив их в ступке, добавила воды и от души сыпанула вкусно пахнущий порошок, по запаху напомнивший ей шафран.

И, полная воодушевления, попыталась накормить Бродягу

Первую ложку он принял с привычным для него хладнокровием. Медленно задвигались челюсти, перемалывая содержимое, а затем мужчина вдруг замер. Только черты лица внезапно перекосились гримасой недоверия. В глазах мелькнуло столько разных чувств – начиная от отвращения до откровенного подозрения и ужаса – но при виде лица девушки, полного счастливого ожидания, он мужественно сглотнул и проглотил.

Эллери расплылась в радостной улыбке и уже потянулась за добавкой, когда Бродяга сперва издал невнятный звук, а затем перегнулся через кровать и исторг из себя все проглоченное.

Позднее, отдышавшись и успокоив почти плачущую от обиды и недоумения девушку, он объяснил, что траву, которую она собрала, нужно не есть, а прикладывать к ране для ускорения заживления. И предложил попрактиковаться на настоящей еде – при помощи его советов, конечно.

Поэтому, вспомнив об утреннем происшествии, Эллери благоразумно решила, что ее нынешний дебют вполне можно назвать удавшимся.

Много позже, когда ночь мягко просочилась в дом, заполнив собой все пространство, неудачливые путешественники лежали – кто на кровати, а кто на лавке – и молчаливо размышляли каждый о своем.

– Мне не дает покоя одна мысль. Почему отец позволил Керлю взять с собой лучников? Неужели он разрешил им использовать оружие для поиска дочери? – Эллери первой нарушила царящую в комнате тишину.

– Все было несколько иначе, – невидимый во тьме покачал головой мужчина. – Как я мог понять из нашего короткого диалога с ним, у них было какое-то важное дело в тех краях, а твои поиски были уже второстепенным заданием. Потому-то они и не спешили трогаться в путь, едва схватив тебя.

– Но откуда тебе это известно? – нахмурилась принцесса.

– Я умею слушать. И делать выводы, – лаконично отозвался воин.

На несколько минут сонная тишина вновь вернулась в свое царство, пока на сей раз уже задумчивый мужской голос ее не потревожил:

– Откуда тебе так хорошо известно действие яда?

В первый момент Эллери возмущенно вскинулась, заподозрив в его словах определенный намек, но успокоившись и сообразив, что в темноте ему все равно не видно ее реакции, улеглась обратно.

– Когда-то давно у меня был друг, – неохотно начала рассказывать принцесса. – Обычный дворовый мальчишка, сын кого-то из прислуги. Мы с ним были не разлей вода – бегали наперегонки, прятались, воображали себя разбойниками и искателями приключений.

– И королевской дочери позволялось такое поведение и такие друзья? – не поверил Бродяга.

– В те времена отцу было не до этого, – тихо отозвалась девушка. – Тогда он думал только о том, как помочь своему народу. И спасти маму.

– Чума? – в привычно сдержанном мужском голосе мелькнули горькие нотки понимания.

– Да, – в одном коротком ответе таилась бездна отчаяния.

Она вспомнила то страшное время, отпечатавшееся в памяти точно страшный сон. Тогда она, будучи совсем ребенком, мало что понимала. Но картинки, всплывающие в голове при слове «чума», до сих пор приходили в ее сны. Горы мертвых тел, которых не успевали вывозить за город и хоронить, заполненные гноем нарывы на коже заболевших, стоны, крики, слезы – и на фоне всеобщего хаоса бледная ладошка чумазого мальчишки, который стал для нее настоящим спасением.

Сделав глубокий вдох, она продолжила.

– Однажды мы залезли туда, куда не следовало. То были покои одного из отцовских воинов, обладателя тех самых черных стрел, с которыми ты уже знаком не понаслышке. Он выстрелил в моего друга, но стрела не попала в него, а лишь оцарапала ладонь. Но для яда этого было достаточно.

Она умолчала о холодной темной комнате с наглухо задернутыми занавесками, о сваленной постели, на которой лежал заросший бородатый мужчина, сжимающий в руках лук. Он скрылся в своих покоях, надеясь, что страшная зараза обойдет его стороной, – но было уже поздно. К моменту, когда дети, играясь, забрели в его покои, гнилостные бубоны покрывали все его тело, и от сознания неминуемой смерти рассудок воина повредился. В конечном счете, это и спасло мальчика – иначе бы стрела попала точно в цель.

– Что было потом?

– Мы едва успели убежать. Но Гансону стало плохо, он потерял сознание. Я не знала, как облегчить его страдания, и рядом не было никого, кто мог бы ему помочь. Ниньи пыталась выходить маму, те слуги, что еще не слегли, пытались помочь заболевшим. Поэтому я затащила мальчика в небольшую каморку и плакала, сидя рядом с его бьющимся в судорогах телом.

– У него были судороги?

– Да. Вероятно, на детский организм яд воздействует куда сильнее, чем на взрослый.

– И чем закончилась эта история? – помолчав, все-таки задал вопрос мужчина.

– Не знаю, каким чудом, но ему удалось выжить. Однако больше дружить со мной он не захотел. Наверное, он навсегда запомнил, как я стояла рядом, глядя на его мучения, и ничего не сделала. И он был прав, – с горечью добавила Эллери.

– Едва ли тебя можно в том упрекнуть. Сколько лет тебе было?

– Едва исполнилось семь, – спустя пару мгновений отозвалась она, все еще мыслями пребывая в том страшном времени своего детства.

– Ты слишком сурова – едва ли можно многого требовать от ребенка, которым ты тогда была.

– Повзрослев, я почти силой заставила Ниньи посвятить меня в таинство врачевания. Конечно, толкового знахаря из меня не вышло, однако самым простейшим вещам меня все-таки обучили. К примеру, как вытащить стрелу из раны или ухаживать за больным горячкой.

Повисла глубокая тишина, и девушка уже, было, решила, что ее собеседник заснул, как раздался его низкий задумчивый голос.

– Никогда бы не подумал, что королевская дочь может быть такой.

– Какой же? – Эллери затаила дыхание, готовясь или обидеться, или расплыться в улыбке.

– Столь необычной, – прозвучал краткий ответ.

Но даже в крошечной тьме, царящей вокруг, девушка почувствовала, как с губ наемника скользнула легкая улыбка. И удовлетворилась этим словом, решив, что быть необычной принцессой куда лучше, чем странной или даже, наоборот, самой обычной.

И с того вечера началась для Эллери совсем иная жизнь.

Ее никогда не готовили к такому – она прекрасно танцевала, умела изъясняться на нескольких языках, могла поддержать любую светскую беседу. Но как разжечь пламя, сколько нужно варить крупу и сколько соли приходилось на котел воды – все это представляло для нее нелегкую загадку. Которую она, мало по малу, успешно разгадывала. Порой приходилось весьма нелегко, но зато каждая эта маленькая победа наполняла сердце принцессы небывалой прежде гордостью – впервые в жизни она не опиралась на помощь слуг или придворных.

Сразу за домом шелестел лес, пением птиц начинался и заканчивался каждый ее день здесь. А когда однажды девушка зашла чуть дальше, чем обычно, в установившийся распорядок ее дня добавился новый излюбленный пункт – купание. Совсем небольшое озерцо, укрытое от любопытных глаз густой зеленью, к которому Эллери, едва увидев, моментально прикипела душой. Чистая, совсем прозрачная вода утром искрилась и переливалась под солнечными лучами, днем поверхность озера сияла расплавленным золотом, а вечером полыхала огнем в свете заходящего солнца. В такие минуты принцесса от всего сердца жалела, что обделена талантом рисовать, – а так хотелось запечатлеть окружающую красоту на холсте, оставить на память кусочек здешнего мира.

Попробуй она представить, что когда-то будет вести вот такой образ жизни – а, главное, будет искренне им наслаждаться – Эллери подняла бы на смех любого, предположившего такую глупость.

А теперь... Этот домик, лес, озеро – все стало таким привычным, естественным. Словно не было предыдущей жизни, дворца, отца, придворных, даже Майина...

Все это время девушка старательно гнала от себя предательскую мысль, но однажды утром проснулась и поняла, что настала пора честно признаться себе, – воспоминания о нем не приносили больше боли. Образ его становился все тусклее, и порой девушке самой не верилось, что еще так недавно она не представляла своей жизни без белокурого юноши с заволаживающим голосом.

Она по-прежнему думала о нем, волновалась – но не больше, чем вспоминала оставленных в замке дяди слугах.

Зато чего Эллери уж точно не могла представить, так это того, что настанет время, когда в ее мыслях неотступно поселится случайно встреченный загадочный и немногословный наемник.

Опухоль на плече мужчины спала, рана начала затягиваться тонкой розовой пленкой, он уже понемногу вставал и даже пытался справляться с многочисленными хозяйственными хлопотами. Однако надолго дом он все еще не покидал.

Поэтому когда однажды вечером вернувшаяся после короткой прогулки Эллери не нашла воина на привычном месте, она встревожилась.

Эллери прислушалась – в доме царила умиротворенная тишина, какая бывает только перед приходом ночи, постель Бродяги была пуста.

Набросив на плечи легкую накидку, девушка шагнула за порог, гадая, куда мог пойти хозяин дома.

Уходящий день вновь встретил ее привычным сладким запахом трав, пронизанный лучами заходящего светила воздух казался сотканным из нитей золотистой паутины. Подождав немного и не услышав ни звука шагов, ни голоса она пошла вперед, надеясь увидеть знакомую высокую фигуру, бредущую навстречу.

Обеспокоенно ступая по знакомой тропинке, по которой столько раз прежде принцесса спускалась к озеру, она вдруг услышала вдалеке тихий плеск, привлечший ее внимание.

Неслышными шагами приблизившись к песчаному берегу, девушка приникла к высокому дереву и настороженно выглянула из-за него.

Озеро полыхало – лучи заходящего солнца заливали водную гладь алым золотом, отчего поверхность казалась пылающей живым огнем.

А посреди этого великолепия стояла недвижно застывшая высокая мужская фигура. Вода доходила мужчине до пояса, лица его не было видно – он стоял, глядя на заходящий огненный шар, и Эллери видела только его спину. Видела столь отчетливо, словно она находилась рядом, так близко, что могла бы своей рукой повторить все замысловатые влажные дорожки.

Первоначально девушка только лишь хотела убедиться, что с наемником все в порядке. Но представшая ее взору картина заставила ее позабыть обо всем.

Капли воды стекали с мокрых темных прядей, спускались по широким мужским плечам, по бугрившимся мышцам опущенных вдоль тела рук, прочерчивали тропинку по спине, по бледным рубцам старых шрамов опускаясь все ниже и ниже, и потрясенный девичий взор следовал за ними.

Видел Бог, принцесса должна была стыдливо отвернуться, закрыть глаза, незаметно уйти или, наоборот, подать знак о своем присутствии. Существовала тысяча вещей, которые она должна была сделать. Но все, на что способна оказалась сейчас Эллери, – это, затаив дыхание, смотреть. Изучать. Запоминать. Восхищаться.

Сейчас воин смотрелся настолько гармонично с окружающим его миром, настолько неотъемлемой его частью, что прерывать это уединение казалось настоящим преступлением.

Однако то ли принцесса пошевелилась, то ли каким-то иным образом выдала себя, но мужчина начал медленно поворачиваться, и неким шестым чувством она поняла – он знает о ее присутствии.

Но вместо того, чтобы использовать последний шанс и скрыться, Эллери беспомощно застыла на месте, не в силах совладать с тем тяжелым, неподъемным чувством, затопившим ее сердце. Почти застигнутая на месте преступления девушка должна была чувствовать смущение, стыд, раскаяние – что угодно! – но никак не чистое, ничем не замутненное восхищение.

И воин отчетливо прочел это в ее глазах, когда зелень изумленно распахнутых глаз Эллери столкнулась с твердой синевой взгляда мужчины. Столкнулась – но не отшатнулась в испуге, а невольно скользнула ниже, вновь знакомясь с его телом.

Капли стекали по широкой груди, бежали по плоскому животу с четко прорисовывающимся рельефом мышц. Уходили куда-то вниз за тонкой полоской поросли – туда, где окрашенные багрянцем волны стыдливо скрывали продолжение.

Она растерянно проследила за ними взглядом, а затем вдруг опомнилась и виновато взглянула в лицо Бродяге.

Небрежно откинутые мокрые пряди падали на высокий лоб, горделивый нос, скулы – все сверкало и переливалось мельчайшими каплями воды, словно усыпанные алмазной крошкой. А глаза... глаза мужчины сейчас горели на лице словно два драгоценных камня, два королевских сапфира в обрамлении потемневших от воды длинных темных ресниц.

В устремленном на девушку взгляде не было ни удивления, ни недовольства или же, напротив, удовлетворения.

Он просто позволял ей себя рассматривать.

Завороженная, потерявшаяся в этом мгновении, принцесса забыла обо всем на свете. Забыла про жениха, про предательство дяди, про оставленных слуг – и заморожено сделала шаг навстречу божеству, что застыло безупречным изваянием посреди залитых закатным светом озерных вод.

На мгновение губы мужчины изогнулись в ленивой чувственной улыбке, в которой едва уловимо проглядывала насмешка.

И этого мгновения хватило Эллери, чтобы прийти в себя.

Вспыхнув до корней волос, девушка, опомнившись, развернулась и со всех ног помчалась в дом. Ее трясло от пережитых чувств, все внутри пылало от стыда, смущения, гнева.

К моменту возвращения мужчины принцесса усиленно делала вид, что крепко спит, накрывшись с головой.

С закрытыми глазами она слушала, как Бродяга укладывается спать, и только когда дыхание его выровнялось, Эллери позволила себе, наконец, расслабиться и с желанием, чтобы завтрашний день не наступал никогда, провалилась в сон.

Черная трясина жадно протягивала к ней свои хищные объятия, поверхность под ногами булькала и обваливалась заполненными водой пустотами, воздуха катастрофически не хватало, принцесса беспомощно барахталась в вязкой жиже, чувствуя, как ее неотвратимо засасывает в глубину...

– Эллери, проснись!

Крепкие руки трясли ее, вырывая из объятий трясины, из пут тяжелого сна. Все еще находясь во власти страха, она отчаянно сопротивлялась этим прикосновениям, пока, наконец, сознание не прояснилось.

Приняв сидячее положение, она огляделась. Непонимающий взор девушки прояснился, когда она увидела взъерошенного со сна наемника, стоящего рядом с озабоченным выражением лица. С облегчением осмотревшись, Эллери расслабленно выдохнула и дрожащей рукой прикоснулась к влажному лбу.

– Какое облегчение! Это был всего лишь сон.

– А что тебе приснилось?

Послав мужчине слабую улыбку, она качнула головой:

– Не помню, наверное, обычный кошмар. Со мной все в порядке, прости, что разбудила. Он неохотно кивнул, возвращаясь в свой угол.

Принцесса легла обратно, слушая звуки его успокаивающегося дыхания и сонно размышляя, что этот кошмар не был похож на привычные воспоминания о чуме, тянущие к ней руки из далекого прошлого.

И только где-то на грани яви и сна затуманенное сознание вдруг озарила запоздалая вспышка прозрения. От этого открытия Эллери вновь проснулась, и долго лежала с открытыми глазами, размышляя о том, что сегодня к ней в сон впервые пришла Седая Долина.

Глава 5. Неправильная сторона любви

Если путник все же оказался несчастлив нарушить правила местной земли, ждет его конец страшный. Зло проникнет к нему под кожу, заберется в голову, будет жить и становиться сильнее, черпая силы из самого человека. Войдет в его сны, в мысли, станет самым темным ночным кошмаром, а однажды — и реальностью.

(отрывок из «Записки старого Бозля. Том четвертый»)

В жизни Эллери не было времени чудней. Она словно находилась в каком-то ином мире, где не существовало дворца, бесконечных правил, ограничений, интриг и вечного шепотка за спиной, не было необходимости каждый день улыбаться малознакомым людям, носить маску сдержанного высокомерия. Впервые в жизни она чувствовала себя свободной.

И полезной – всякий раз, когда ей удавалось помочь Бродяге, или же когда он сдержанно хвалил ее незамысловатую готовку, появлялось это незнакомое прежде поразительное ощущение. Принцессе пришлось признать: ведение домашнего хозяйства – пусть в качестве хозяйки дома ей не суждено было пробыть долго – пришлось по душе.

Рука мужчины понемногу восстанавливалась, и Эллери ждала окончательного выздоровления с затаенной неохотой. Спутник девушки тренировался каждый день, пытаясь вернуть былую ловкость раненой конечности, – Эллери, если удавалось, тайком подглядывала за его упражнениями, ощущая одновременно смущение и восторг. Она бы и сама мечтала так ловко управляться с мечом, но учить ее Бродяга не согласился, не уточняя причин отказа.

Неминуемый час прощания с этим чудесным местом все приближался, время неумолимо утекало сквозь пальцы. Но окончательно определил неизбежность расставания произошедший одним вечером разговор.

Близилось завершение теплого дня, солнце неохотно уплывало за горизонт, отправляя последние алые лучи из-за края неба. Принцесса сидела на прогретом за день песке и бездумно любовалась закатом, когда услышала позади себя тихие шаги.

Бродяга без слов уселся рядом, запрокидывая голову.

– Такой красивый закат, правда? – в умиротворенном голосе Эллери звучала мечтательность.

– В этом месте каждый закат такой.

При этих небрежно произнесенных словах она почувствовала крохотный укол зависти, – Бродяга мог наслаждаться этим великолепием каждый день, когда бы он того ни пожелал. Точно прочитав ее мысли, мужчина задумчиво заговорил.

– Я нашел этот домик случайно. Правда, тогда он был в гораздо худшем состоянии. Это не помешало мне отыскать владельца и убедить его продать дом.

– А я решила, что ты его сам построил, – протянула она обескураженно.

Мужчина хрипло рассмеялся.

– Я воин, миледи, а не строитель.

И вновь берег, подобно легчайшему полотну, накрыло молчание. В эту нежную тишину тонкой золотой нитью вплетались нежные переливы птиц да перешептывание леса.

– Ты с детства мечтал об этом? – встретив недоуменный взгляд собеседника, Эллери пояснила: – Звон стали. Сражения. Слава.

– Нет, – его ухмылка вышла почти болезненной. – Я никогда не хотел воевать. Просто... так вышло.

Она благоразумно не стала уточнять причин, предугадывая ответ. Что может толкнуть на тропу войны молодого сильного мужчину вопреки желанию? Необходимость. Чувство долга или ответственность за кого-то другого.

– Как звучит твое имя? – девушка вспомнила старый разговор и решила попытать счастья еще раз. Но мужчина вновь не желал откровенничать.

– Бродяга.

– Я хочу знать твое истинное имя! – по старой привычке, принцесса попыталась по-королевски настоять на своем. – Мы с тобой уже прошли через столько испытаний, что...

– Вот именно, – внезапно перебил он ее. – Мы пережили многое. И ты уже должна была сложить представление, что я за человек, так ведь?

Принцесса нерешительно кивнула, не зная, к чему ведет собеседник.

– Разве может какое-то имя, простое сочетание звуков, рассказать больше, чем ты узнала сама?

– Я начинаю понимать, – прищурившись, медленно проговорила Эллери. – Ты – очень опасный собеседник. И так же хорошо управляешься словами, как и мечом.

Мимолетная улыбка тронула губы мужчины, но собеседник ничего не ответил.

Тогда Эллери задумчиво продолжила:

– Старая легенда гласит, что тот, кто узнает истинное имя человека, обретет власть над ним. Ты поэтому так не хочешь, чтобы оно стало мне известно, да?

Наемник наконец-то усмехнулся по-доброму.

– Надеюсь, это никогда не произойдет. В противном случае это будет значить, что вы, миледи, забрались в мою жизнь куда глубже, чем мне того хотелось, – мужчина не отказал себе в маленьком удовольствии немного подразнить собеседницу.

Эллери позволила себе крошечную улыбку – а затем без промедления вновь ринулась в бой, надеясь добиться хотя бы толики правды.

– А где ты жил прежде? Где твой дом?

След улыбки моментально покинул его лицо. Мужчина долго молчал, отвернувшись от девушки. А когда ответил, голос его звучал глухо.

– У меня его нет.

– Так не бывает, – уверенно возразила Эллери.

– Как видишь, очень даже, – он развернулся к ней, и в глазах своего спутника она увидела отблески багрового пламени заката. А еще – печаль, так не вязавшуюся с бравым голосом.

– Но ведь он когда-то был? Что же произошло?

– Меня его лишили, – Бродяга мгновение раздумывал перед ответом, словно нехотя решаясь на откровенность. – После смерти отца мы с матерью лишились всего.

– Как это случилось? Его забрала чума? – тихо произнесла девушка, от души сочувствуя, но не в силах выразить это чувство так, чтобы не ранить гордость собеседника.

– Нет, это было задолго до чумы, – мужчина мотнул головой. – Его убили, желая прибрать к рукам все, что он имел. Нам была уготована подобная участь, но, к счастью, в окружении отца нашлись люди, верные ему до последнего вдоха, которые и помогли бежать.

– Я сразу почувствовала в тебе благородство крови, – спустя паузу призналась Эллери.

– Да вот только эта самая кровь бесполезна, когда хочется есть и спать, – наемник зло усмехнулся. – Мать сумела повторно выйти замуж – чтобы дать мне пищу и кров над головой. Так в моей жизни появился первый отчим.

– Он был не последним?

– Увы, но нет. Ее нового супруга забрала болезнь, долгая и выматывающая. После чего нам вновь пришлось менять место – тогда-то мать и нашла того, кто готов был принять ее с двумя детьми. И даже не просто принять... – загадочно добавил он, но что-то в выражении его

лица остерегло девушку от дальнейших расспросов. – Мать очень боялась, что враги отца нас все-таки отыщут, но, как показало время, добившись столь желанной власти, они успокоились.

– И что с ними теперь?

– Наверное, преспокойно живут, наслаждаясь плодами своего предательства.

Голос наемника был на удивление равнодушен – словно он говорил вовсе не о людях, погубивших его семью.

– И тебе никогда не приходили мысли о мести? – не поверила принцесса.

Мужчина рвано вздохнул, запуская ладонь в волосы.

– Я бы соврал, если ответил, что нет. Но эти мысли никогда не задерживались в моей голове так долго, чтобы стать чем-то большим, нежели нелепыми фантазиями неопытного мальчишки. А затем... меня стали волновать совсем другие вещи, нежели иллюзорная возможность мести.

Эллери не стала спорить, но в душе девушки зрел протест: неужели так просто можно было простить кого-то? На месте мужчины она бы боролась до последней капли крови, стремясь если не вернуть украденное, то хотя бы просто отмщения ради.

Возможно, какая-то из этих мыслей все же мелькнула у нее на лице – иначе с чего это Бродяга, искоса взглянув на собеседницу, вдруг криво усмехнулся:

– Наверное, ты права, и я слишком неблагодарный сын, раз за все годы не попробовал вернуться на родину и попытаться отомстить. И где-то на небесах мой отец, глядя сверху, шлет проклятия своему безразличному ко всему отпрыску.

Она качнула головой:

– Я думаю, что твой отец в любом случае гордился бы тобой. Хотя... мой собственный родитель яркий пример того, какое разочарование может принести ребенок.

– Неужели на твою руку не нашлось претендентов, которые бы не вызвали у тебя столь сильного отвращения? – он впервые коснулся темы ее ненавистного замужества.

– Увы, но нет.

– Едва ли ты можешь жаловаться на недостаток поклонников, – скептически предположил мужчина.

– Даже если так, в том заслуга исключительно моего происхождения, а вовсе не моей внешности или других достоинств, – с легкой гримасой проговорила принцесса.

– Ты не считаешь себя красавицей? – недоверчиво прищурился собеседник.

– С моим приданым я могла родиться даже уродиной, и все равно вереница женихов не оскудела бы, – равнодушно пожала плечами девушка. – Так что природа напрасно потратила на меня силы.

Он не сдержал улыбки. Заметив это, принцесса с подозрением спросила:

– Ты надо мной смеешься?

– Не над тобой, – мужчина поспешил успокоить возмущенную Эллери, но в уголках губ ей по-прежнему чудилась насмешка.

Она надулась:

– Может, тебе и представляются несерьезными мои чувства, не спорю. Ты-то сам, наверное, всегда был таким, как сейчас. Наверняка рассудительность родилась вперед тебя! – беззлобно поддела она его.

Синие глаза заволокла темная пелена непрошенных воспоминаний.

– Ты бы немало удивилась, – медленно начал наемник. – Если бы знала, сколько глупостей в свое время я натворил. И сколько всего не успел натворить – благо, вмешалось провидение, не позволив совершить главную ошибку.

– Ты тоже сбегал из дома из-за любви? – наугад предположила она, целясь пальцем в небо.

Он взглянул на нее и холодно улыбнулся – девушка в очередной раз опомнилась, вспомнив, что он куда старше, чем она.

– Почти, – однако его ответ стал неожиданностью.

– Тебе не позволили этого сделать? – неуверенно предположила она, ощущая, словно ступает на хрупкий лед. Невозможно было предугадать, когда порыв неожиданного откровения оставит собеседника.

Он с задумчивой неохотой качнул головой.

– Я ведь не один хотел сбежать, нет. Мы планировали этот побег вдвоем – я и моя возлюбленная, – на последнем слове его голос дрогнул. – Но в наши планы вмешалась чума.

При этом слове по телу девушки прошла дрожь.

– Она погибла? – тихо произнесла Эллери, сомневаясь, не пересекла ли она границу дозволенного этим вопросом.

– Нет, – прозвучал краткий ответ. – Но последствия болезни, обрушившиеся на страну, заставили меня на все взглянуть иначе.

– Что же произошло?

– — Я осознал, что не имею права вмешиваться в ее судьбу, заставляя отказываться от уготованного ей будущего в пользу неизвестности, – жестко проговорил он, плотно сжимая губы. Точеные черты лица заострились, и в этом теплом, томном вечере он выглядел таким далеким, таким отчужденным, что девушке почудилось, словно от него отчетливо веет холодом.

– Но ведь это был ее собственный выбор, – осторожно возразила Эллери, подавляя безотчетное желание отодвинуться от сидящего рядом наемника.

– Она была такой невинной, такой светлой и чистой. Едва ли она отдавала себе в том отчет, однако ее чувство было лишь увлечением, симпатией – но никак не любовью.

От слов мужчины на принцессу снизошло уныние. Она представила себе такого далекого теперь Майина и подумала – а вдруг он принял решение за них двоих так же, как когда-то это сделал Бродяга?

– А что, если Майин тоже так думает? – Эллери все-таки решила поделиться частью своей боли с собеседником. – Но зачем тогда он уверял, клялся в любви, зачем заставил себе поверить?

– Это значит, что он просто недостаточно любил тебя, – зазвучавший голос мужчины был пронизан прохладой подобно той, что медленно наползала на них с воды. – Если бы силы его любви было достаточно, он бы никогда не позволил тебе сделать такой выбор, отказаться от уготованного отцом будущего, от супруга, который будет ровней и который сможет обеспечить достойное тебя будущее.

– Это не любовь! – яростно вскинула голову девушка. На глазах сверкали непролитые слезы, но голос звучал жестко и твердо: – Это дурацкое суждение, в которое что Ниньи, что, оказалось, и ты так свято верите! А я не верю, я отрицаю его!

– Все люди любят по-разному. И от того, что ты в него не веришь, оно никуда не исчезнет, – он равнодушно пожал плечами. – Это просто еще одна сторона любви.

– Хорошо, пусть будет по-твоему! Но тогда это какая-то неправильная сторона любви.

– А что же, по-твоему, любовь? – закипая, прищурился он, наконец-то переставая походить на глыбу бесчувственного камня.

Этот разговор, столь небрежно начатый, разгорался темным пламенем, откликаясь в душе каждого ворохом воспоминаний

– Любовь – это не когда отходишь в сторону, едва на пути чувств возникли препятствия, – с жаром начала девушка. – А когда идешь наперекор своему происхождению, религии, ожиданиям близких. Если бы он любил так, как должен, он никогда меня бы не предал. Не отступился, не отпустил. Он должен был пойти против всех, против правил, законов, угроз и запретов ради того, чтобы быть вместе. Перейти землю и переплыть море, пойти на все, что угодно, ради этого чувства. Вот что я понимаю под любовью, – закончила она

– Как, оказывается, сложно быть твоим возлюбленным, – в синих глазах мелькнула слабая усмешка, но полные губы изогнулись с едва уловимой печалью.

– Ты считаешь, что я хочу невозможного? – дрогнувшим голосом задала вопрос принцесса. – Неужели то, чего я хочу, так невероятно и сложно? Неужели только для меня одной это представляется очевидным и единственно верным?

– Нет, ты неодинок в этом желании, – медленно проговорил он. – Я знал девушку, которой были по душе твои убеждения.

– И что случилось с ней? – нетерпеливо произнесла Эллери. – Она сумела найти своего избранника? Того, кто бы разделил ее взгляды?

– Нет, – кратко ответил мужчина, хмуря брови. – Ее возлюбленный придерживался другой точки зрения.

– Ты ведь сейчас говоришь о себе? – прозрение настигло ее внезапно. – И о своей любимой?

– Не называй ее так, – резко оборвал собеседник. – В моем сердце больше нет того огня. Теперь она всего лишь часть прошлого.

– А что до нее? – тихо прошептала девушка, но мужчина ее все же услышал. – Если она по-прежнему любит, страдает и помнит?

– Я знаю, что она сейчас счастлива в браке. Счастлива и любима.

Повисла тишина. Бродяга бездумно смотрел на горизонт, а Эллери продолжала размышлять. Был ли поступок мужчины оправдан? Простила ли та девушка его, действительно ли сумела позабыть свои чувства и полюбить того, кто стал ей супругом? Могла бы она сама, Эллери, в подобной ситуации примириться с решением любимого человека, простить и принять его уход? Или, может, Бродяга просто ушел, не сказав ни слова своей возлюбленной, и она до сих пор томится в неведении, что же произошло с ее избранником, жив ли он...

Мысли девушки плавно перетекли в иное направление. Не случится ли так, что ее собственная судьба в действительности послужит повторением судьбы несчастной девушки? Что, если ей так и не суждено будет узнать разгадку исчезновения Майина?

Принять решение оказалось на удивление легко, а вот озвучить его – куда сложнее.

На то, чтобы набраться решимости, Эллери понадобилось почти два дня. Наконец, на исходе второго дня она улучила подходящий, по ее мнению, момент и подошла к Бродяге.

– Мне нужно встретиться с Майином, – безо всяких предисловий произнесла девушка, опуская глаза. Встретаться взглядом с наемником она боялась.

Повисшее молчание было тяжелее сотни ругательств.

– И где теперь ты намерена его искать? – обманчивое спокойствие голоса не смогло ее провести.

– Я надеялась, что дядя поможет мне в поисках, но... – она проглотила продолжение фразы, вместо этого как можно твердо произнесла: – мне нужно попасть в столицу Намении. Уверена, Майин будет там.

– Все так просто? – в голосе собеседника откровенно звучала насмешка, но принцесса ее проигнорировала, продолжив:

– Мне нужно в Намению. Туда всего несколько дней пути, если сократить расстояние и проехать через Арку Вещи, – она начала суетливо объяснять дорогу, как вдруг лицо наемника внезапно окаменело, губы сжались.

– Я знаю, где это.

– Ты можешь сопроводить меня туда? – робко обрадовалась принцесса.

– Нет.

Короткий ответ прозвучал подобно удару хлыста.

– Почему?

– Куда угодно, но только не туда.

– Я осыплю тебя золотом... – с жаром начала Эллери, но была грубо прервана:

– Никакого количества злата не хватит, чтобы заставить меня передумать. Кроме того, разве миледи до сих пор не заметила, что все ее вещи остались в спешно покинутом замке любимого дяди? И что сейчас у принцессы за душой нет ни гроша? – едко усмехнулся мужчина с неприятной ухмылкой.

– Перестань, – ледяным тоном, который порой так пригождался во дворце, она осадила Бродягу. – Не забывайся, с кем ты говоришь.

– Да, действительно, как я мог забыть, – он обжег ее яростным взглядом. – Я всего лишь наемный слуга, вы ведь это хотели мне напомнить, принцесса?

Мужчина ушел, оставив Эллери в растрепанных чувствах.

Как бы не было тяжело это признать, но, наверное, Бродяга был прав, и она на самом деле перешла черту. Как же сложно было отказаться от привычки повелевать! Все это время королевская дочь старательно сдерживала себя, но сейчас, когда эмоции взяли верх над разумом, запреты перестали действовать.

Наконец, почувствовав, что больше не в силах сдерживать подступающее раскаяние, Эллери отправилась на поиски своего спутника.

Долго искать не пришлось – Бродяга сидел на излюбленном месте, привычно глядя на закат. Широкая мужская спина темнела на фоне залитого багрянцем озера, в вечернем воздухе был разлит сладкий аромат цветущих трав.

Остановившись чуть поодаль, королевская дочь помедлила, ожидая, что тот, чье одиночество она потревожила, обернется или заговорит. Но он продолжал смотреть вдаль, словно не замечая ее присутствия.

– Прости меня, – наконец решившись, проговорила она. – Мне не следовало быть такой грубой с тобой. Особенно после всего, что ты сделал.

Бродяга продолжал молчать, даже не повернув головы.

Она набрала дыхания, опускаясь рядом с ним и начиная свою речь:

– Просто ты единственный человек, который может мне помочь. Не знаю, почему, но я доверяю тебе. Как доверилась и Ниньи, отпустив меня вместе с тобой, впервые в жизни доверив кому-то другому! Неужели все это было напрасно, неужели все, через что нам довелось пройти, совсем ничего не значит?

Наконец, мужчина повернулся и поднял на нее уставший взгляд.

– Хорошо. Я помогу. Но это будет последним, что я сделаю для тебя, – нашим дорогам пора расходиться. Я и так за последние несколько недель совершил больше глупостей, чем за все прошедшее десятилетие.

– Спасибо! – от облегчения она не сдержалась и на краткий миг прильнула к плечу мужчины в безотчетном порыве радости.

Натолкнувшись на изумленный взгляд, в котором боролись недоверие и ярость, она вдруг опомнилась и резко отстранилась.

– Прости, – через время снова проговорила она. – У меня сегодня прямо день извинений, – Эллери даже негромко рассмеялась, осознав, что, в самом деле, за прошедший день произнесла это слово не единожды.

– Просто я уже и не мечтала о твоём согласии, – призналась она спустя несколько мгновений тишины.

– И, между прочим, небезосновательно, – беззлобно проворчал наемник. – Мне следовало отправить тебя к отцу еще после нашей первой неудачи.

– Ах так, значит? – подхватила его тон принцесса, расплываясь в улыбке. – Значит, ты мечтаешь увидеть меня выданной замуж за дряхлого сморщенного старика? Учти, в этом случае я буду регулярно являться тебе во сне и жаловаться на свою несчастную судьбу.

– Нет, об этом я точно не смел мечтать, когда озвучивал свое предложение, – засмеялся он.

– А о чем ты мечтаешь? – ухватившись за его ответ, вдруг спросила принцесса, меняя тон. – По-настоящему?

Собеседник враз посерьезнел, искоса взглянул на девушку, вздохнул – она приготовилась услышать очередной отказ – как вдруг начал говорить тихим голосом:

– Говорят, что где-то за горами расстилается Розовое море. Волны его багряного оттенка – потому и названо оно столь странно. Легенда гласит, что так было не всегда и когда-то давно море было обычным. И возвышался над ним город – такой красоты, какой прежде не видывал мир. Непростые люди жили в нем, их лик был прекрасен и светел, далеко за границы земель шла слава об их красоте и могуществе. Но не только этим славился тот народ – мужчины этой страны могли оборачиваться в сильных и дивных существ, могущих парить в небесах подобно птицам, но куда сильнее, больше, прекраснее – в драконов. Не каждый мог похвастаться этим даром, но те, кого отметила своей печатью длань Крылатой Богини, ценили и любили свои крылья больше всего на свете.

Эллери слушала неторопливо звучащую речь, затаив дыхание. С подобным ощущением в детстве она внимала сказкам старой няньки, отчаянно желая, чтобы то, что в них рассказывалось, было правдой.

– Правил той страной мудрый и честный король. Народ искренне любил его, все ладилось и спорилось в его землях, мир и процветание царили там. И от всего этого зависть обуяла королей соседних государств, такая злость затопила их сердца, что не погнушались они подлым обманом и предательством пленить короля, вырезать сердце короля и бросить в море, – мужчина остановился, переводя дух.

Принцесса украдкой смотрела на рассказчика, надеясь, что он этого не замечает.

Когда он сидел вот так, опершись руками на колени, глядя куда-то далеко вперед, словно видя свою загадочную страну и не замечая, как ветер небрежно играет с короткими прядями темных волос, каким далеким он казался!

И каким одиноким.

– И что случилось потом? – Эллери не выдержала первой.

– Вспенились волны, окрасившись в цвет королевской крови, взметнулись воды, закрыв собой горизонт. А когда море схлынуло, не было больше той прекрасной страны. И остались только легенды, что где-то посреди соленых морских вод по-прежнему живет чудесный народ людей-драконов.

Он замолчал, рассеянным движением пересыпая горсть песка из ладони в ладонь.

– И ты мечтаешь там побывать? – осторожно предположила принцесса, боясь неосторожно нарушить очарование момента.

– Нет. Я просто хочу, чтобы это место существовало, – и, не дав девушке опомниться, мужчина проговорил, начиная подниматься и отряхивая руки от песка: – Пора спать.

Эллери неохотно повиновалась, но всю дорогу, пока она шла за ним, задумчиво размышляла – кто же он? Кем на самом деле является этот человек, который под маской сурового воина может вынашивать подобные мечты? Ему скорее пристало быть поэтом, нежели заостренной сталью проливать чужую кровь.

По мере приближения к дому шаг принцессы становился все медленней. На пороге мужчина обернулся и вопрошающе взглянул на спутницу.

– Мне нужна еще минута, – стараясь выглядеть беззаботной, пояснила она. – Я скоро зайду.

Дверь захлопнулась, оставляя девушку наедине с опускающейся на мир ночью. В последнюю неделю она стала нелюбимым временем суток для Эллери.

Всему виной служили сны – темные, мутные, неразличимые, полные тревоги и какого-то суеверного страха. Бродяге она ничего не говорила, но он и сам подмечал неладное, когда принцесса то и дело вскрикивала во сне. Вопросов он не задавал, а она сама, в свою очередь, взглядом предостерегала его от любых попыток это сделать, когда утром поднималась с темными кругами под глазами.

Мужчине и без того хватало забот. Рука по-прежнему его беспокоила, порой Эллери украдкой замечала, как он с гримасой боли разминал плечо. Но добиться правды о его состоянии, конечно, было невозможно.

Впрочем, это уже не имело значения – следующим утром стало ясно, что Бродяга счел себя вполне окрепшим, чтобы вскоре вновь пуститься в путь.

Когда поутру, проснувшись, Эллери вышла из дома, первое, что бросилось ей в глаза, – конь, рядом с которым стоял Бродяга. Дождавшись ее приближения, мужчина похлопал животное по крупу.

– Хороший конь, – скупая похвала наемника свидетельствовала о многом.

Эллери пояснила:

– Он из отцовской конюшни.

– Но нам надо будет от него избавиться, – без сожаления проговорил мужчина.

Она согласно кивнула и не удержалась от вопроса, хотя все было ясно без слов:

– Когда мы выдвигаемся?

– Завтра, – не дожидаясь ее реакции, он развернулся и направился к дому.

Эллери осталась стоять на месте, борясь с отчаянным желанием догнать Бродягу, упрямить отложить отъезд еще хотя бы на пару дней. Хотя... Что может изменить эта отсрочка? Наверное, в этом нелепом желании было виновато безотчетное чувство тревоги, поселившееся с недавних пор. Эллери пыталась оправдать его предстоящей встречей с Майином, но что-то в глубине души подсказывало: юноша здесь не при чем.

Девушка покачала головой, словно стремясь выбросить из нее все ненужные мысли, и отправилась в дом вслед за мужчиной.

Следующие несколько дней она не раз вспоминала последние часы, проведенные в этом затерянном посреди леса островке спокойствия и умиротворения. Прощаться оказалось настолько сложно, что Эллери всерьез подумывала прямо там же обратиться к наемнику с предложением выкупить у него этот дом за любые деньги. Однако воплотить свое намерение в жизнь ей помешала неизвестно откуда появившаяся уверенность, что без Бродяги это место потеряет свое очарование.

Четыре дня почти безостановочного пути – вот цена, которую пришлось заплатить Эллери за свою просьбу отыскать Майина. Краткие передышки в крохотных тавернах, беспокойный сон на жестких постелях – и бесконечная дорога. Коня они оставили еще в самом начале, вместо него остановив свой выбор на крытой повозке. Не слишком по-королевски, но при том не привлекая ненужного сейчас внимания.

Наемник же, чем ближе они подбирались к конечной точке путешествия, становился все более замкнутым и тревожным – словно внутреннее беспокойство девушки передалось и ему. А, может, роль играли здешние земли – Эллери ощущала его настороженность и постоянное напряжение, не отпускавшее, казалось, ни днем, ни ночью. Словно наемник знал о какой-то опасности, ей неведомой, которая подстерегала их на пути.

Но все неловкие попытки принцессы вытянуть из него правду разбивались о нерушимую скалу молчания.

Еще раньше они условились по прибытии в столицу Намении остановиться где-нибудь на краю города и ждать, пока Бродяге не удастся собрать какие-либо сведения. А она – правда, с этим пунктом принцесса согласилась далеко не сразу – будет смиренно его ждать, сидя в таверне и никуда не высываясь.

Принцесса ощутила страшное облегчение, и, одновременно, глухой отголосок необъяснимой тоски, когда они, наконец, вошли в небольшую комнату с низким потолком, которая обещала стать ее пристанищем на все время пребывания здесь.

– Я непременно возмещу тебе все расходы, – тихо проговорила она, вспоминая, сколько раз за их путешествие ему приходилось доставать кошель с золотом. – Когда все закончится.

– Господи, да я уже сам готов приплатить кому-нибудь, только бы ты скорее оказалась дома!

Завидев оторопелое выражение ее лица, он вздохнул:

– То была просто шутка. – Предвосхищая ее негодование, быстро добавил: – Прости.

Обиженно фыркнув, девушка отвернулась, стараясь не подать вида, как ее задели эти слова. Значит, он мечтает поскорее от нее отделаться?

Эта нелепая обида продлилась недолго. Достаточно было на долгие четыре дня оказаться предоставленной самой себе – и любые шутки Бродяги уже представлялись самым желанным комплиментом. Она его почти не видела – мужчина уходил рано утром, возвращался на исходе дня и почти ничего ей не рассказывал.

Наверное, любая другая девушка на ее месте уже отчаялась бы и поняла тщетность попыток отыскать в многолюдном городе знакомого юношу, но Эллери храбрилась до последнего, отчаянно не желая признавать поражение.

И эта храбрость воздалась сторицей, когда на пятый день усталый и какой-то весь недовольный наемник сухо сообщил, что он нашел Майина.

– Ты видел его? Тебе удалось передать мою записку? – в первый момент даже не поверила принцесса.

Он сдержанно кивнул, но в этом жесте девушке все равно почудилось недовольство.

– И что он ответил? – нетерпение Эллери достигло пика, в то время как Бродяга, казалось, совсем не замечал этого и нарочно тянул время.

– Он не передал ответной записки. Но просил передать на словах, что будет ждать тебя завтра в полдень в таверне Дикий Вереск, – наконец, со вздохом произнес мужчина.

– Ждать меня? – переспросила девушка, нахмурившись. Опять назначенная встреча где-то на краю мира – неужели он вновь решится на обман?

Точно прочитав ее мысли, наемник добавил:

– На сей раз все точно состоится. Парнишка был настроен решительно, да и я... – добавил он с нехорошей ухмылкой: – был убедителен.

Настроение Бродяги было столь отчетливо хмурым, что, казалось, от него исходят вполне осязаемые волны недовольства. Эллери старалась их игнорировать, сосредоточившись на предстоящем свидании. Что ожидала девушка от нее, сложно было сказать. В сердце принцессы было столько разных чувств, что она сама уже не могла разобрать, какое из них заставляет ее так настойчиво искать этой встречи с Майином.

Следующее утро выдалось прохладным и серым – давно проснувшийся город жил своей обыденной жизнью, с привычным шумом, запахами, звуками, и не знал, как сильно сжимается сердце в груди Эллери, вышагивающей рядом с наемником. В обычное время она бы с любопытством оглядывалась вокруг, стараясь запомнить новое для себя место, – но только не сейчас. Волнение заставляло путаться в шагах и туманило мысли.

Бродяга, как и принцесса, не был настроен на разговоры. В молчании проводив девушку до большой таверны с приметной вывеской, он довел ее до второго этажа и остановился, пропуская вперед.

И вот, наконец, заветная дверь комнаты предстала перед ней.

Плотнее запахнувшись в плащ – так, чтобы не выглядывал ни единый кусок потрепанного платья, пережившего столь многое, она шагнула внутрь.

Майин уже ждал ее. Заложив руки за спиной, он стоял у узкого зарешеченного окна, глядя во внутренний двор, по-прежнему одетый с иголки, такой яркий и лощеный, что на его фоне она невыносимо остро ощутила себя замарашкой.

– Ну, хоть сегодня ты пришел, – гоня прочь это постыдное чувство, Эллери начала прямо с порога, не тратя времени на приветствие.

Резко обернувшись, юноша вперил в нее уставший взгляд и вдруг медленно произнес невпопад:

– Ты все так же прекрасна...

Нет, не так она представляла себе эту встречу!

– Удивительно слышать от тебя такие слова, – холодно проговорила королевская дочь своему возлюбленному, проходя в комнату. – После того, как мне пришлось проехать половину страны, чтобы тебя отыскать.

По лицу собеседника заходили желваки, ладони сжались в кулаки от непривычно сухого тона.

Не выдержав, он стремительно преодолел разделяющее их расстояние и схватил Эллери за руку. Внезапное прикосновение его влажных пальцев заставило ее отшатнуться, но юноша ее не отпустил.

– Я так мечтал это сделать. Правда, в тех мечтах я брал тебя за руку, когда ты уже стала моей супругой...

– Так почему ты не пришел? – она подняла на него глаза и, наконец, задала вопрос, мучивший ее так долго.

– Твой отец.

– Что? – она решила, что ослышалась.

– Вмешался твой отец, – просто ответил он. – Меня предупредили, что если я решусь на этот шаг, он станет последним в моей жизни. И ради твоей безопасности в том числе, мне стоит как можно скорее вернуться домой и больше не помышлять ни о чем, связанном с тобой.

– И ты так просто отказался от меня? – лицо девушки исказила обида. – Не попытался найти, связаться, что-то придумать?

– Моя госпожа, что тут можно было придумать? – он смотрел на нее умоляющим взглядом, пытаясь встретить в ее глазах понимание.

– Ты знаешь, на что я пошла ради сегодняшней встречи с тобой? Что мне пришлось пережить? Сперва чуть не утонуть в болоте, только чтобы оказаться в пустынной церкви, потом – заточение в башне, погоня, преследование, лес... – она перевела дух, умолчав о наличии рядом надежного спутника.

Глаза собеседника наполнялись ужасом по мере перечисления.

– Я боялась, что ты мог пострадать, не знала, жив ли, так хотела тебя найти... И все ради чего?

– Я должен на коленях умолять тебя о прощении, – тихо заговорил он, отпуская ее руку и отступая назад. – Но понимаю, что этого будет недостаточно, чтобы заслужить его.

Повисшее молчание послужило красноречивым ответом.

– Скажи, есть ли что-нибудь, что я могу сделать? – он с отчаянием воззвал к той части сердца принцессы, в которой, возможно, еще теплился огонек бывшего к нему чувства. – Как мне исправить всю ту боль, что ты пережила по моей вине?

Эллери промолчала, пытаясь отыскать в своей душе ответ на этот вопрос. Прощение он заслужит – когда-нибудь. А вот большее... Королевская дочь пыталась и не могла найти в себе прежнего восторга, что захлестывал ее разум от одного только присутствия возлюбленного. Его лицо и светлые кудри больше не притягивали взор, не манили коснуться рукой, а нежный голос не вызывал в душе ничего.

– Знаешь, когда я узнал, что ты здесь... – в ее размышления проник его задумчивый голос. – Я вообразил себе, что вот он, шанс, – быть вместе, вне досягаемости твоего отца. Знаю, это было глупо...

– Не продолжай, этого достаточно, – оборвала она его сбивчивую речь, не желая продлевать зашедшее в тупик тягостное объяснение. – Прощай, Майин.

Юноша остался стоять позади – растерянный и несчастный, но эта картина не отозвалась в сердце девушки ни каплей жалости.

Улица встретила ее внимательным взглядом наемника. Он стоял к ней боком, привычно закутавшись в плащ с ярким пятном рыжего меха на широких плечах и хмурая брови.

Эллери внезапно подумала, что в последнее время он слишком часто хмурится.

– Как прошла встреча?

Она молча шла рядом, приноравливаясь к широкому шагу мужчины, и раздумывала над ответом.

– Что ж... По крайней мере, я сделала все, что было в моих силах, – девушка нашла в себе силы улыбнуться в ответ. – И в старости, лет через двадцать, меня не будет мучить совесть по поводу упущенного шанса на счастье.

Они как раз пересекали узкий безлюдный проулок, когда он чуть усмехнулся:

– Полагаю, то был упрек в мою сторону?

Ответить она не успела.

Бродяга резко обернулся, словно заведя какое-то движение сбоку, девушка хотела последовать его примеру, но в этот момент плотная пелена ткани закрыла ей обзор. Принцесса попыталась закричать, стянуть с головы наброшенный мешок, но оставшийся незамеченным нападавший не дал ей этого сделать. Сильная рука зажала ей рот, вторая больно скрутила тонкие девичьи запястья за спиной. От боли, неожиданности, унижения хотелось плакать.

Королевская дочь слышала шум борьбы, свидетельствующие, что ее спутник продолжает сопротивляться, но после внезапно раздавшегося звука глухого удара наступила звенящая тишина, от которой сердце пленницы сжалось в страхе.

– Ты что натворил? Он нужен нам живым! – закричал кто-то со стороны.

Голос в отдалении начал путано оправдываться, послышался приближающийся шум скрипучих рессор, и перепуганная Эллери решила, что сейчас самое время для потери сознания. Нет, терять его на самом деле она точно не собиралась, достаточно было просто оставить попытки сопротивления и обмякнуть в чужих руках. Сдавленные ругательства державшего ее мужчины подтвердили успех ее маленького обмана.

Смятенное сознание сумело выхватить отрывок разговора звучащих в отдалении низких мужских голосов:

– А с девкой что делать?

– Бросим ее в карету, на месте разберемся.

Ничего не было видно, поэтому принцесса ориентировалась только по звукам. Ее куда-то поволокли, ноги больно проехали по твердой земле, затем послышался скрип открываемой двери кареты – и девушка полетела навстречу твердому деревянному дну.

Вот сейчас она не смогла сдержать полный боли стон.

Но ее похитители никак на него не отреагировали, занятые, по всей видимости, бесчувственным телом Бродяги.

Раздался еще один скрип, с кряхтением мужчины затолкали внутрь что-то тяжелое, судя по их ругательствам, но класть тело наемника, как предположила затаившая дыхание Эллери, рядом с ней не стали, уложив или усадив его на скамью.

Всего через несколько секунд звуки исчезли, и экипаж медленно начал движение.

Плотная ткань мешка не оставляла возможности что-либо увидеть. Твердое днище кареты остро ощущалось на каждой кочке, каждой ухабине. Боль звенела во всем теле, на глаза наворачивались слезы, и девушке пришлось даже закусить губу, чтобы не издать новый стон.

Куда их везут, как далеко и с какой целью – эти вопросы настойчиво пробивались сквозь боль и потрясение, занимая мысли принцессы. Она судорожно пыталась найти объяснение произошедшему, понять, чего ждать от похитителей.

Спустя несколько мгновений раздумий Элери посетило одно крайне неприятное открытие, заставившее девушку сжать зубы: похитители точно не являлись слугами отца. И какая задача перед ними не стояла, целью их была вовсе не принцесса.

Глава 6. Тайны родственных уз

Первым признаком начала конца станут сновидения, темные, страшные образы, пока неразличимые в сером тумане спящего сознания. Где бы не находился путник и сколь много миль не отделяло бы его от Седой Долины, первые нити утекающей жизни протянутся сквозь расстояние, питая и насыщая черное чрево трясины. В сердце которой, точно зреющий плод, неизбежно наливается силой Зло.

И когда силы этой станет ему достаточно, оно медленно выберется наружу, прямо из смердящих недр болот, под своды набухшего серостью неба, – и сделает свой первый вдох.

(отрывок из «Записки старого Боэля. Том четвертый»)

С трудом приподнявшись на онемевших от неудобного положения руках, принцесса со стоном стащила с головы пыльный мешок. Свет, идущий снаружи, – даже такой тусклый – в первые секунды ослепил ее. Часто моргая, Эллери приняла сидячее положение, с силой растирая ноющие запястья. Наконец, когда глаза привыкли к серому свету, льющемуся из узких окошек, она разглядела тело наемника, безвольно распростертое на жестком сидении.

Сердце пропустило удар.

Она стремительно привстала на колени, забывая про боль и потрясение, ведомая таким всеобъемлющим страхом, равного которому не испытывала прежде.

Глаза мужчины были закрыты, но грудная клетка едва заметно вздымалась и опадала, свидетельствуя, что он жив. Принцесса вознесла короткую молитву небу и принялась осторожно осматривать воина, пытаясь понять, не ранен ли он. Когда-то давно подобное занятие заставило бы ее покраснеть, но сейчас Эллери ощущала одно лишь облегчение.

По окончании осмотра удалось отыскать причину его бессознательного состояния – Бродягу ударили по голове. Принцесса коснулась огромной шишки, набухшей на затылке мужчины, и отдернула руку, боясь причинить лишнюю боль.

С трудом расстегнув фибулу у горла воина, она стянула собравшийся комом плащ, расправляя его и укрывая неподвижное тело.

Вновь ей вспомнилось недавнее прошлое, когда пришлось оказывать помощь Бродяге прямо посреди глухого леса. Ситуация снова повторилась, только на этот раз у девушки под рукой не оказалось ничего, что могло бы помочь.

Определенно, наемник был прав, сказав когда-то, что не стоило ему с ней вообще связываться.

Карета все набирала скорость, каждый ухаб, кочка или очередной поворот представлял угрозу для бесчувственного тела мужчины, поэтому Эллери устроилась на жестком сиденье, уложив голову воина на свои колени. Против воли руки девушки так и норовили коснуться этой приятной тяжести, не раз и не два она ловила себя на том, что безотчетно касается гладких скул, твердого подбородка с едва уловимым на ощупь покалыванием пробивающейся щетины.

Казалось бы, после такой долгожданной встречи с бывшим возлюбленным в мыслях принцессы хоть немного, но должен был присутствовать образ Майина. Однако все, о чем могла думать Эллери, – это лежащий мужчина и уготовленная ему участь. Даже ее собственная судьба отошла на задний план, ведь знатное происхождение должно было послужить самой лучшей гарантией. Если, конечно, удастся убедить в нем напавших на них мужчин.

Всякий раз, когда карета замедляла ход, королевская дочь сжималась от страха: а вдруг они добрались до места назначения, вдруг сейчас похитители заберут у нее Бродягу, – или же, наоборот, придут, чтобы довести до конца начатое?

Тревога, змеиным клубком опутавшая сердце девушки, не позволяла заснуть. Поэтому момент, когда Бродяга начал приходить в себя, она не пропустила. Эллери поначалу даже решила, что ей почудилось, как он слабо заворочался под ее руками, но раздавшийся затем хриплый стон развенчал все сомнения.

Мужчина медленно открыл глаза, пытаясь осознать, где находится. Рассеянный взгляд пропутешествовал по стенкам кареты, узким окнам и проплывающим за ними серым пейзажам и с заметным трудом сосредоточился на нависшем над ним обрадованном лице принцессы.

По слегка расширившимся синим глазам стало ясно, что память, вопреки тайным опасениям девушки, его не покинула. Наемник попытался сесть, но Эллери не позволила ему это сделать.

Наконец, он, морщась, невнятно проговорил:

– Что за чертовщина происходит?

Она благоразумно проигнорировала раздавшееся ругательство.

– Нас похитили. И везут куда-то.

– Ты на редкость лаконична, – пробормотал Бродяга, все-таки принимая сидячее положение.

Рукой нащупав шишку на затылке, мужчина поморщился от неприятных ощущений.

– Что произошло после того, как меня оглушили? Ты в порядке? – он резко, словно только сейчас опомнившись, повернулся к ней. За что тут же и поплатился – судя по мелькнувшей гримасе боли.

– Пара синяков, ерунда, – девушка попыталась за улыбкой спрятать страх от неприятных воспоминаний. Не столько от своего пленения, сколько при виде его безжизненного тела.

По внимательному взгляду мужчины она поняла, что сделать это ей не удалось.

– Сильно испугалась? – тихо произнес он спустя минуту тишины.

– Больше за тебя, – Эллери отвернулась в сторону, не желая встречаться с ним глазами, стесняясь проявления этой слабости. – Когда на какой-то миг подумала, что ты...

Договаривать принцесса не стала, вместо этого переводя тему:

– У тебя есть подозрения, для чего тебя похитили?

– Меня? – он зацепился за последнее слово, взгляд его, бывший рассеяннo-задумчивым, вновь стал цепким и колючим. – Почему ты решила, что цель – это я?

– Я все-таки королевская дочь, а не какая-то пастушка, – с легкой обидой напомнила она собеседнику. – С твоей стороны напрасно думать, что я не сумею сложить очевидное и сделать выводы.

Бродяга на секунду опустил глаза, и Эллери этого хватило.

– Ты знаешь, почему тебя схватили. – Это был далеко не вопрос. – И кому ты понадобился, да еще настолько спешно.

– Это та причина, по которой я так не хотел соглашаться на это путешествие, – кратко отозвался наемник.

Она вспомнила его ярое нежелание ехать в эти края.

– Намения? Здесь живет кто-то из твоих недоброжелателей? Враг?

Его лицо исказила горькая ухмылка.

– Если бы, – тихо прошептал мужчина.

Эллери решила, что если он и сейчас попытается отмолчаться или уйти от ответа, она не выдержит и набросится на него с кулаками, невзирая на все его раны.

Сколько можно загадок!

Точно почувствовав ее состояние, наемник набрал в легкие воздуха и принялся говорить:

– Не Намению я опасался. Все дело в этих землях, в Арке Виши... Много лет я избегал этих мест, не приближался, боясь, что меня заметят, узнают... Что и произошло.

– Так все же кого ты опасался? – нетерпеливо напомнила она. – Это бывшие земли твоего отца?

– Нет. Моей сестры, – кратко ответил он. – Вездесущие слуги которой, судя по всему, нас и схватили.

– Сестры? – недоверчиво переспросила Эллери. – Но для чего?

– Мы давно не виделись, – теперь настала его очередь быть лаконичным. – Вероятно, она не видела другого выхода, кроме как прибегнуть к подобным чрезвычайным мерам.

Эллери только покачала головой, не понимая таких родственных отношений. Конечно, ее собственные отношения с братом трудно было назвать близкими, но... Виной всему служили обстоятельства, а отнюдь не желание самой принцессы.

– Что она сделает с тобой? – осторожно продолжила выяснения девушка. – И со мной?

– Не волнуйся. Она не причинит тебе зла. А мне и подавно, – и вновь его лицо исказила странная ухмылка, которую принцесса приняла за отзвуки испытываемой боли.

– Сильно болит? – она тут же озабоченно произнесла, борясь со смехотворным желанием вновь уложить Бродягу к себе на колени.

– Заживет. На мне все заживает, – кратко обронил наемник, вероятно, все-таки почувствовавший потаенные помыслы девушки. – Или Ваше Высочество хотели бы вновь испробовать на мне свои лекарские таланты? – взгляд мужчины стал заинтересованным, но в глубине его проглядывали смешинки. – А может, не только лекарские, но и кулинарные? Если мои догадки вдруг верны, то я счастлив отсутствию каких-либо ингредиентов для этого.

Эллери так обрадовалась перемене его настроения, что пропустила мимо ушей усмешку в адрес своих кулинарных способностей. И даже, не выдержав, проказливо хихикнула, закрывая рот ладошкой, словно маленькая девочка.

Бродяга же продолжал внимательно смотреть на нее, и под изучающим взглядом синих глаз улыбка принцессы медленно растаяла.

– Что такое? – с небольшим вызовом в голосе, наконец, произнесла она, предчувствуя подвох.

Но вопреки ожиданиям, он не стал над ней подшучивать, вместо этого опуская взгляд, словно отгораживаясь незримой пеленой каких-то невеселых мыслей. Она остро ощутила эту перемену в его настроении, и, огорчившись, попыталась расшевелить собеседника.

– Мы можем выпрыгнуть из кареты! – наугад предложила принцесса. – Или попробовать напасть на похитителей, когда они откроют дверцу.

– Нет нужды, – кратко отозвался он и закрыл глаза.

– Что ты собираешься делать? – озадачила она. – Ты даже не планируешь пытаться сбежать? – запоздало догадалась она.

– Если мне не изменяет память, впереди долгая дорога. Не мешало бы поспать.

Бродяга не ошибся. Путь и в самом деле оказался не близким, хоть карета и спешила на всех парах, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Случались краткие передышки, когда похитители по одному выводили их наружу – и быстро возвращали обратно, словно боясь потерять хотя бы минуту пути.

Бесконечная тряска, жесткое сиденье, скудная еда, тусклый свет и отсутствие всякого движения превратили принцессу в столетнюю дряхлую старуху. По крайней мере, именно так ощущала себя Эллери, когда, наконец, карета прибыла в место назначения.

Незадолго до этого момента принцесса задремала, поэтому ей не пришлось любоваться дворцом издали. Зато теперь, когда их вывели наружу, она с любопытством оглядывала огромное сооружение с переходами и башнями, то взмывающее высоко к небу, то, словно проросшее, уходящее этажами куда-то вниз под землю.

Нет, дворец ее отца ничем не уступал в богатстве. Это маленькое открытие принесло толику радости – совсем чуть-чуть, но этой малости хватило, чтобы скрыть гримасу боли, которую причинял каждый сделанный после длительного заточения в стенках кареты шаг.

Эллери с наслаждением ощущала приятную твердость земли под ногами, вдыхала прохладный воздух и старалась делать вид, что эта прогулка, как и все их путешествие, – обычный визит вежливости, а не грубое похищение. И они – долгожданные гости, а отнюдь не пленники.

Работающие во дворе слуги, конюхи, что стояли возле запряженных экипажей, ожидающих своих хозяев, с любопытством смотрели на маленькую процессию, продвигающуюся к массивному каменному крыльцу, на котором вполне можно было устроить небольшой бал с обязательными танцами в программе.

Бродяга шел рядом с принцессой, ни словом, ни жестом не показывая, как непросто далась ему эта поездка.

Дворец встретил их приятным полумраком, ароматами готовящейся еды, сладких духов или цветов – Эллери не разобрала – и тишиной. Это казалось удивительным, но не было слышно привычного шума голосов, топота десятков ног или далекого лая собак.

Пленников вели широким коридором, стены которого были сплошь увешаны старинными портретами. С них на девушку неодобрительно смотрели мужчины и женщины, облаченные в роскошные мантии, с перьями и шляпками на высоких прическах, с одинаково недовольными выражениями лиц – молодых ли, или сморщенных. Девушка шла мимо них и гадала – кем же приходилась сестра Бродяги всем этим людям, насколько знатен был ее титул?

Наконец, где-то вдалеке послышались голоса. Эллери даже обрадовалась их звучанию, ибо передвигаться в сопровождении только звука собственных шагов и шагов своих спутников было удовольствием сомнительным.

Они остановились перед широкими парадными дверями, за которыми приглушенно звучали десятки голосов. Эллери едва успела осознать, что, по всей видимости, то был тронный зал и сейчас им предстоит встретиться сразу со всеми обитателями дворца, как двери отворились, впуская путников в огромное, наполненное людьми помещение.

Теперь принцесса находилась чуть позади Бродяги, ощущая на себе скопление чужих взглядов, в то время как ее собственный взор в этот момент был прикован к двум тронам и сидящим на них людям.

Их остановили на почтительном расстоянии от королевской пары, Бродяга поклонился первым, Эллери, не сразу осознав, что в ее положении она должна поступить так же, спустя мгновение замешательства последовала его примеру.

В тот же миг молодая женщина в богатых одеяниях, совершенно не по-королевски соскочила с трона и бросилась к ним, забыв про этикет.

Сестра наемника – королева? И при том такая молодая?

Но если так, то это означало, что Бродяга...

Эллери не успела додумать эту шокирующую мысль, как под своды зала взметнулся счастливый женский крик:

– Сапфо!

Королева бросилась в объятия брата, спрятав лицо у него на груди. Мужские руки как-то нерешительно, робко легли ей на плечи, словно он так давно никого не обнимал, что уже и забыл, как это правильно делается.

Эллери, все еще пребывая во власти шока, растерянно наблюдала за этой умильной картиной, когда движение со стороны привлекло ее внимание.

Король последовал примеру супруги и тоже покинул трон, правда, сделав это куда менее импульсивно. Впрочем, причиной тому скорее служили прожитые годы – мужчина был седовлас, грузен и двигался с заметным трудом, но взгляд серых глаз был ясен и добр. Создавалось впечатление, что он тоже был рад видеть Бродягу.

– Ну же, дорогая, ты смущаешь брата, – он добродушно пожурил супругу, остановившись рядом с застывшими в объятиях людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.